ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ при ЦК РАКСМ.

СОВЕТЫ ВОЖАТОГО

Ребята, прошло лето, прошла Международная Детнеделя, наступили осенние дни, началась новая интересная работа пионеров в клубе, дома, в школе. Прежде всего нужно помнить, что в этом году, на третий год существования пионерской организации работа должна будет пойти более серьезно и углубленно. Первой задачей пионерского отряда будет

подвести итоги

проделанной работы. Нужно будет собрать и составить в порядке материалы проведенных работ, например, летних работ в лагере, Международной Детской Недели, Юношеского дня. Все, что вы соберете, установите в отрядном или общерайонном музее.

Организация во всем!

Пионеры работают организованно, аккуратно и точно. Это наш девиз. Вот почему необходимо будет в отряде немедленно провести организационную работу. Тут нужно будет и списки отряда обновить, и диаграммки состава отряда сделать, и звенья закрепить, наметить точный план работы и начать

организацию своего клуба

За лето, ведь, у нас работа в клубах шла очень слабо, кроме того, не у всех отрядов клубы были. Сейчас надо будет отряду добиться помещения для клуба и оборудовать его, как следует. У нас до сих пор было много недочетов в работе клуба, бывало—оборудуем клуб, сделаем уголок, разукрасим комнатку и успокоимся, зарывшись в стенах нашего клуба.

Это, конечно, неправильно. Прежде всего наш клуб должен быть приятным и хорошим местом, привлекательным для неорганизованных ребят. Один день клуба нужно отдавать для других детей и пионерам нужно этой работой руководить: вечерком собрать ребят в клубе, повести с ними беседы, петь, играть.

Второе очень важное обстоятельство,—это то, что мы в клубах очень мало внимания обращаем на то, как они оборудованы, все ли в них в порядке. Нужно с этим покончить. Давайте в этом году строить пионерский Ленинский клуб. Основное в клубе—простота, полезность всякой вещи, уют и образцовый порядок, а самое главное—сама работа клуба должна быть ленинской. Наш клуб—детей рабочих юных пионеров должен быть связан с клубом взрослых рабочих. Об этом нужно помнить и работу отряда в клубе связывать с работой, которая ведется в рабочем клубе.

А работы найдется много. Тут нужно и дежурить, вести регистрацию, помогать в уголке Ильича, библиотеке, переплетать книги, следить за тем, чтобы в клубе не портили мебели, не сорили, и много другой работы будет у вас в клубе. Вообще всю работу сейчас пионерам нужно строить около того предприятия, завода, фабрики или учреждения, при котором существует отряд.

Нужно делать разведки в фабком, партъячейку и Комсомол, постоянно вести работу. А дома, на улице пионеров, ведь, также ожидает работа. Вот в домах-коммунах, на лестницах, в коридорах часто грязно,—пионерам нужно следить за чистотой, бороться с руганью ребят и взрослых, следить, чтобы на стенах дома ничего не писали, не рисовали. Посмотрите у себя, дома, будьте повнимательнее и вы увидите много работы.

Не следует забывать

деревенских ребят.

Ведь, летом работа шла, а уже сейчас, наверное, кое-где связь заброшена. Вот, как раз в день „урожая", который у нас будет в этом месяце, нужно поставить себе задачу.—еще прочнее закрепить связь с деревней и, конечно, в дне урожая нужно будет участвовать вместе с Комсомолом, партией и другими организациями.

А вот еще одна

боевая задача

отряда—это школа. В ней сейчас пионер отряду есть много возможности поработать.

Прежде всего нужно организовать в школе форпост, превратить перемены в организованные пионерские игры, разукрасить классы боевыми пионерскими лозунгами, втянуть школу в жизнь вашего завода, фабрики и учреждения, взять на себя инициативу по организации веселых пионерских экскурсий вместе со школьниками за город; если в школе есть насилие над ребятами со стороны учителей, существуют еще наказания и вообще плохое отношение к ребятам, ведите организованную борьбу с этим и явлениями, будьте первыми в этой работе. Однако, для того, чтобы это провести,—пионерам нужно самим быть примерными школьниками, нужно помнить завет нашего учителя—В. И. Ленина и организованно, дружно учиться.

Если пионеры будут примером в школе, если все будут видеть пользу пионерской работы, то тогда, конечно, у нас будет больше сторонников и друзей среди школьников и учителей.

VI с'езд Комсомола и XIII с'езд Коммунистической Партии указали нам, что пионеры очень часто переутомляются, мало бывают на воздухе, слабо занимаются физкультурой.

Это, конечно вредно.

Нам нужно будет, ребятки, этот недочет исправить, учитывать свое время, чересчур не перегружаться, регулярно заниматься гимнастикой, проводить игры, дышать свежим здоровым воздухом.

В конце сентября пионеры поведут подготовку к великому празднику трудящихся СССР и всего мира, семилетию нашей Октябрьской революции.

Нужно будет подготовить инсценировки, пьески к самому празднику, доклады на собраниях, каждый отряд выделит своих разведчиков, которые займутся изучением Октябрьского переворота у себя на заводе, в районе, в городе. В этой работе надо будет действовать вместе с Комсомолом, вместе с Компартией, помогая им в проведении намеченных задач.

Впереди много работы. Так дружнее же за работу

Будем готовы!

Вожатый Яша.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК РЛКСМ и НАРКОМПРОСА.

Редакция: Москва, Старая пл., 10 4. Издательство „Молодая Гвардия"

№ 7. СЕНТЯБРЬ. 1924 г.

Надежда Константиновна Крупская.

БУДЬ ГОТОВ!

Всякий пионер на призыв „будь готов!“ отвечает „всегда готов!“, но далеко не всякий пионер знает, откуда взялся этот призыв и этот ответ.

„Будь готов!“—это был призыв Ленина к членам партии, борцам за рабочее дело.

22 года тому назад, в 1902 г., у рабочего класса России не было еще своей партии. Правда, в 1898 году состоялся первый с‘езд социал-демократов. На нем было лишь несколько человек, представителей рабочих организаций. На с‘езде постановлено было организовать Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, даже выбран был Центральный Комитет.

Но полиция выследила с‘езд и переарестовала почти всех его участников, и дело распалось, осталось одно название. По отдельным большим городам были небольшие с.-д. организации, которые вели работу среди рабочих, но они были слабы и почти несвязаны между собой. Одна организация работала так, другая иначе. Больше всего эти организации помогали рабочим устраивать забастовки. Некоторые социал-демократы думали, что задача партии только в том и состоит, чтобы помогать рабочим вести борьбу с хозяевами, а о том, что надо царя сбросить и всю жизнь построить по-иному, рано еще говорить. Другие говорили, что совсем не важно даже, чтобы была партия, важно только поднять рабочих на восстание против царизма, а что для этого надо рабочим сорганизоваться—забывали.

Тов. Ленин написал тогда книжку. Она называлась „Что делать?“. В этой книжке он об‘яснял, что надо работать над тем, чтобы сделать рабочих как можно более сознательными, говорил о том, какое громадное значение имеет организация. Он писал, что надо, чтобы партия—передовой отряд рабочего класса,—как можно лучше разбиралась в том, что кругом нее делается, надо, чтобы она ясно видела дорогу, понимала хорошо, что в каждую минуту надо делать. И надо, чтобы партия представляла из себя тесную, дружную организацию, которая, когда надо, умела бы выступать, как один человек. Тогда только можно победить и царизм и буржуазию. Сознательность и организованность с неба не падают. Надо, не покладая рук, учиться разбираться в окружающем, учиться действовать организованно, дружно во всем.

„Мы должны всегда“,—писал тов. Ленин в 1902 г. в своей книжке „Что делать“,—вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему“. (Т. V собр. соч., стр. 264).

Должны быть готовы вести работу тайком от полиции, печатать листовки в тайных типографиях, пользоваться всяким удобным случаем, чтобы помогать рабочим стать сознательными и организованными,—должны быть готовы итти за это в тюрьму и на каторгу. Должны быть даже готовыми и к тому, чтобы, когда придет подходящий момент, восстать с оружием в руках.

„Будьте готовы!“— говорил т. Ленин членам партии—и Ленинская партия, которая теперь называется Российской Коммунистической Партией, не боялась никакой, самой черной, самой скучной работы. И когда пришло время удобное для революции, Ленинская партия „была готова“ и повела за собой рабочих и крестьян.

Юных пионеров не было еще на свете, когда Ленин звал борцов за рабочее дело быть готовыми, но юные пионеры твердо решили быть верными заветам Ленина; они неустанно учатся, они неустанно организуются, ставят себе целью сорганизовать всех ребят, сделать их всех сознательными, умелыми; юные пионеры хотят научиться строить новую жизнь, они хотят продолжать дело Ленина.

*) с.-д.—социал-демократические.

КОСТРОВСКОЙ КОЛДУНОК.

Повесть

Лет двадцать тому назад костровские парни нечаянно выкопали из кургана за деревней каменную бабу и поставили ее на кургане девок пугать.

В деревне же прошел слух, что каменная баба не случайно из под земли на свет вышла, а с предвещанием: хранила она тысячу лет золотой клад и теперь костровским бабам показывает, дескать, время пришло—кто счастлив—тот и пользуйся.

Много за двадцать лет и баб и мужиков на том кургане счастья искали: рыли, копали, гадали, а клада не нашли. Клада не нашли, а вспоминали часто:

— Эх, кабы мне бабий клад найти!

Петька Жук, солдаткин сын, во сне нередко тот клад видывал, говорил матери:

— Погоди, мамка! Я бабий клад разыщу! Вот разбогатеем!

Мать смеялась. Петька таращил на нее черные, как спелые вишни, глаза, сердился:

— Что смеешься?. Мне бабушка сказывала, как его найти.

— Как же?

— А этак. Вот как придет Иван Купала, пойду я в лес, там в полночь как раз папоротник цвести будет. Надо сорвать цветок, зажать в кулак, да и бросить на кургане. Кое место упадет, там и копать надо! Там и клад!

— Не видала я что-то, как папоротники цветут!—сказала Марья задумчиво,—враки, чай, все!

———

Прислали в ту пору в Костровку агронома, молодого, горячего. Собрал мужиков агроном в школу, начал им речь держать. Говорил долго, картинки показывал, учил, как хозяйство вести. Мужики слушали, головой покачивали, переговаривались с усмешечкой:

— На бумаге-то гладко выходит, а на деле как?

— Ты его к сохе подведи! — говорил старичок,—он и держать то ее не знат как!

Сидел Петька и мужиков больше слушал, чем агронома.

Так и разошлись мужики, посмеиваясь. Шла Марья за мужиками, держала Петьку за руку, ворчала на мужиков:

— Вот, Петька, говорят, у бабы волос долог, да ум короток! А я на мужиков смотрю—думаю, и волос короток, да и ум не велик. На, гляди-ка: в бабий клад поверили, сколько изрыли, сколько трудов положили, а, ведь, и признака-то никакого про клад тот нету! А тут им и картинки показывают, и слова достоверные, и человек живой, а и попробовать ни у кого охоты нет!

Петька дернул мать за рукав:

— Мамка, давай мы попробуем! Можа, правда, а?

— А что, Петька, в сам деле! Хуже, чай, не будет, а?

— Будет, не будет—я клад принесу! нам что

Засмеялась Марья, потрепала Петьку по голове:

— Да уж с тобой не пропаду!

Дошли опять до школы. Там агроном картинки свои прибирал, баночки с жучками, мешечки с семенами, листы с сухими травами укладывал. Увидел он Марью, покачал головою, сказал грустно:

— Темнота какая в народе! Никакими словами не пробьешь!

— Мужики словам не больно верят!—сказала Марья,—обманывали мужика много! Дело ему показать надо!

Агроном руками развел:

— Да с кем же я дело начну, когда никто и пробовать не хочет

— А вот, касатик, я и пришла: давай-ка со мной попытаемся дело сделать! Пора подходящая, сев скоро. Буду тебя слушать во всем, как скажешь, так и делат буду, а там видно будет! Одна я, да вот помощник растет.

Показала на Петьку, а Петька как приклеился к картинкам, так и отстать не может. Обрадовался агроном, прочистил очки свои, стал расспрашивать.

— Да нет, со слов ничего не поймешь. Иди, показывай все хозяйство. А тогда и посмотрим, откуда начинать!

До вечера ходил агроном с Марьей по двору, потом по полю. Все обошли, все оглядели. Агроном прикидывал, соображал. Вернулись домой—Петька, как сумасшедший, навстречу выскочил:

— Мамка! — кричит, — мамка! У нас домовой был!

— Где был?

— Да у Серого опять грива спутана. Повел я его купать, а дядя Василий встретился, погля-

дел это, говорит: домовой ему гриву-то заплетал!

Кричит Петька, сам дрожит от страху. Агроном взял его за плечи:

— Пустое это все, мальчик мой!

— Да пойди, погляди, какая грива-то!

— И глядеть нечего: гриву лошадям путает не домовой: никаких домовых на свете нет. Зверек такой есть, ласка называется, вроде крысы, что ли. Он по соломенным крышам водится и гривы, играя, лошадям плетет. Он иногда кур душит, цыплят. Иной раз лошадь испугается, бьется, в мыле вся... Вот и сочинили про домового.

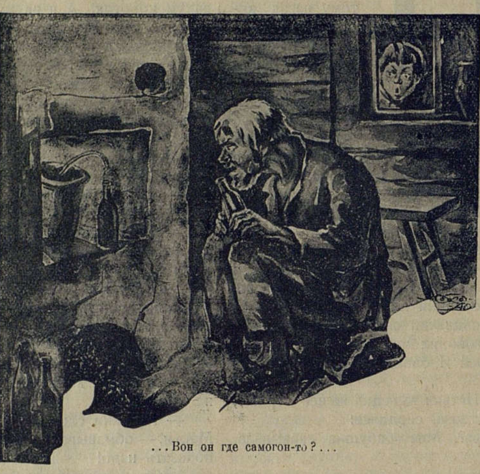
Засмеялась Марья:

— Вот те и домовой!

— Врет он!—отвернулся Петька: — он, мамка, соху не знает, как держать!

Усмехнулся агроном:

— Мне не веришь, так и дяде своему не верь, а пойди-ка на ночь в конюшню, да и погляди: домовой будет, али ласка? По-моему али по дядиному!

...Вон он где самогон-то?...

Вошли в избу, принесла Марья молока кринку, стали ужинать, говорить про хозяйство. Агроном сказал серьезно:

—Вот что, Марья!—хозяйство твое маленькое, самое подходящее дело к такому хозяйству—лен разводить. Выгоднее его для маленьких хозяйств ничего не придумаешь. Лен тебя сразу на ноги поставит. До войны у нас его сеяли до миллиона десятин, а теперь упало это дело. Спрос же на него огромный. Сей лен!

Послушал Петька, да и вон из избы.

И страшно, и ноги дрожат, и дознаться хочется. Схватил полушубок, притворил дверь и помчался в конюшню.

Выслушала Марья молча, спорить больше не стала:

—Ну, ин быть по твоему, батюшка! Буду делать, как приказываешь! Попробуем с сынком!—она оглянулась, всплеснула руками,—да куда же постреленок исчез?

Агроном догадался:

— Ничего! Пошел домового ловить.

. . . .

А Петька сидел в конюшне и ждал.

В крошечное окошечко светила луна. Серый жевал сено, подергивал его из яслей, фыркал, мотал головою, не спал. Петька залез в ясли, уселся на сене так, чтобы под руками и шея и грива были. Пока фыркал Серый—он таращил глаза на окошко, чтобы не уснуть и не спал. Но Серый выдергал все сено, понурил голову, задремал.

Задремал и Петька.

Врут все!—равнодушно подумал он,—ни домовых нет, ни ласков этих!

Стало ему досадно—забрался в конюшню, сидеть неудобно, ноги стали затекать.

Подумал он уже о теплой избе, и вдруг — в соломенной крыше шорох и со стрехи, прямо по перекладине, и с бруса в гриву лошади шмыгнуло что-то проворно и ловко.

У Петьки сердце замерло. Открыл глаза, не шевельнувшись — смотрит: стоит Серый, ушами прядет, голову поднял, весь насторожился. Привстал Петька—видит— в гриве что-то белое мечется, проворное и веселое, как мышь.

Серый дернул головою, забил копытами, начал крутить шеей, тереться о ясли. Привстал Петька, нацелился—мастер был не только домовых, и птиц ловить. Подсунул Серый шею ему под руки, вцепился Петька в белое, выпростал из гривы с трудом и чует: поймал. Ползет из рук живое, юркое, скользкое, как змея, и теплое, как полевая мышь—сдавил Петька пальцы, взвизгнул:

—Есть!

А что есть, и сам не знает. Стряхнул с плеч полушубок, шлепнулся из яслей на мягий навозный пол, толкнул плечем дверь и вышел на двор.

Светало уже. Бледный рассвет без теней стоял на дворе. Взглянул Петька в руки—тонкое, длинное с белым брюшком тельце в руке, и голова повисла.

—Задушил!—экая жалость какая!

Отпустил пальцы, отдышался зверек.

Мать вставала корову доить. Улыбнулась Петьке:

—Поймал?—посмотрела и руками всплеснула,— а ведь и впрямь поймал! Ну, Петька! Не врал агроном-то, стало-быть?

Насупился Петька, прикрыл в чугуне зверька сковородкой, сказал:

—Может, и про клады врут? Я ево спрошу!

II.

Сеяла Марья лен, бороновала. Наезжал иногда агроном, толковали они с ним по-долгу. Петька же по ночам во сне только и видел клады, да папоротники. Ждал он Ивана Купалу, бегал к бабушке в Зеленый Клин за речку, донимал ее:

—Скоро, что ли?

А вот скоро. Как луга делить будут, тут и Купала, значит!

—А агроном говорил, не цветут будто папоротники никогда, а вместо цветов у них пыль такая!

—Ты старых людей слушай!

Отрет сухонькими пальчиками губы свои бабка и рассказывает:

—Не знают про цветы эти люди. Цветет папоротник всего-то одну минуточку, раз в году, в самую полночь под Ивана Купалу. Ярче огня цветет, горит пламенем. Тут его и хватать надо поспевать. Тут зевать некогда!

Но вот сказала все-таки бабка:

—Завтрашняя ночь и есть твое счастье. Завтра, в полночь, цвести папоротник будет!

Переждал Петька день. Матери не говорил ничего. Вечером же вывел Петька Серого, постелил на спину ему полушубок, сунул картошек в сумку, хлеба ломоть, взобрался на лошадь и в ночное.

—Куда поедем?—орали ребята.

—В Зеленый Гай!—кричал всем Петька,—там и родник и травы, сколько хошь...

Согласились ребята, гаркнули на лошадей и полетели—только пыль столбом по дороге от лошадиных копыт! Домчались до гая скоро, спутали лошадей, стали костры ладить, картошки печь.

— А Жук где?

Хватились—нет Петьки. Посмотрели на лошадей—лошадь его ходит, траву щиплет спокойно.

— Придет!

А Петька уже пробирался в кустах в самую чащу, где когда то лесничий жил. Там, у озера—помнил хорошо, сколько раз высматривать ходил—все поросло папоротником. Смеркалось уже давно, шел Петька плутая, ощупью, но добрел таки и до озера. Забрался в самую гущу папоротника, вздохнул и сел ждать.

Уже с озера туман поднимался, холодело в траве, к полночи время двигалось быстро. Слышно было, как в деревне в церковный колокол били часы: и одиннадцать били и двенадцать пробило. Уже и руки Петька вытянул и пальцы приготовил цветок ловить, а папоротники стояли темнее ночи и не цвели, не горели.

И час пробили на церкви. Плюнул Петька в самые папоротники—обидно было до слез. Выбрался из гущи их, поднялся на горку, стал приглядываться, как назад выйти, и вдруг обмер: совсем недалеко, сквозь деревья видно—горит ярче огня огромный цветок.

Только того и ждал Петька. Подтянул штаны, закусил губы и помчался к цветку. Сучья ему лицо дерут, крапива ноги жжет, а он и не почувствовал. Бежал, чуть дыша. Вот-вот за самым деревом не цветок, а огонь: так и горит и горит. Вытянул руки Петька хватать цветок, завернул за дерево и стал, как вкопанный: стоит перед ним за деревьями лесная сторожка, и в окошечке самый настоящий огонек горит.

Стал под окном Петька отдышаться, а сам думает:

— Откуда бы тут огню быть? Сколько уж лет лесничего нету. А тут в полночь огонь горит. Разбойники?

Надо бы бежать без оглядки, а его так и тянет в окно заглянуть. Подкрался, все видно: сидит в избушке мужик костровский, Дорофей, топит печку, а от печки идут всякие трубки—медные и стеклянные, и из трубок в бутылку зеленые капли скачут.

— Вот он где самогон-то гонит! То-то и не найдут никак!

Свистнул Петька:

— Это надо на свежую воду вывести!

Выбрался он из лесу потихонечку, добрался до лошадей. Распутал своего Серого, сел верхом и помчался—из ребят никто не проснулся

Проскакал Петька по деревне, взбудоражил собак со всех дворов, прямо к милиционеровой избе. У окошка слез, постоял, подумал прежде, чем постучать:

—Мое ли дело тут ябедничать?

Да вспомнил тут же, как соседка с синяками частенько ходила матери жаловаться, как пьяный ее бил, валенки пропил, шерсть пропил, скоро все хозяйство сведет на нет. Проспится и сам не рад, а дорвется до самогону—поделать с собой ничего не может. Вспомнил и мужиков, искавших по деревне самогонный завод и ругавшихся, на чем свет стоит:

— Хуже вора всякого самогонщик этот!

Мотнул головой Петька, постучал. Отозвался милиционер не скоро. Высунул голову в окно, насупился:

— Тебе чего, карандаш, надобно?

— Чу, Гаврила, чу!—вскочил Петька на подоконник,—чу! Я самогонщика нашел!

— Где? Кто такой? Врешь, карандаш, а?

— Дорофей это!

— Ну?—подумал милиционер,—ежели Дорофей—так, мотри, верно! Где же это?

Рассказал Петька.

Милиционер одевался, говорил:

— Это он к празднику старается—не скоро кончит! А мы, карандаш, устроим ему праздник! Пойдем, за понятого!

Вывел Гаврила кобылу из сарая, понукал ее, проснулась лошаденка, а как вскочил он на нее, так и совсем очнулась, даже закачалась под мужиком. Взобрался и Петька на своего Серого.

— Трогай!—крикнул Гаврила,—пошли!

А Петька трепал шею Серого, думал, как соседка завтра ему спасибо скажет, и улыбался потихонечку: хорошо без кладов, без домовых на свете жить—бояться нечего и ясно все на земле, как на ладонке!

III.

Много было разговору в Костровке про Дорофея, а про Жука еще больше. Когда же выхлопотал Гаврила Петьке награду за открытие самогонщика, награду, по-деревенски, не малую—шесть рублей, так по деревне Петьке проходу не давали, пальцем показывали:

— Вот он, Петька Жук!

— Глядите-ка, Петька идет!

Загордился Петька. Стоит у ворот избенки своей, руки в карманы засунет, штанишки завернуты, рукава по локоть засучены, и посвистывает: удобно было свистеть, как раз спереди средний зуб выпал.

Мальчишки—народ завистливый. Ходят, бывало, около него, поглядывают, пристают:

— Расскажи про домового, Петька!

Жук в ответ:

— Никаких домовых нету! Враки все!

— А папоротники как цветут, Жук, а?

— Не цветут папоротники, они, как грибы—без цветов плодятся!

— А страшно было?

Свистнет только Петька:

— Страшного, братцы, ничего нету. Враки все!

Ходили, ходили так мальчишки около Петьки—видят,—ничем Жука не проймешь. Стали дразнить:

— Что-ж ты ничего не боишься?—подмигнул вечером Семка Кривой, пастух овечий,—а?

Поглядел Петька на пастуха, усмехнулся:

— Тебя кривого боюсь очень!

— Нет, ты без дураков,—пристал Семка,—давай на спор. Как двенадцать часов отзвонят, на кладбище пойдешь?

— Зачем?

— Нет, ты скажи—пойдешь?

Обступили мальчишки обоих, начали визжать:

— Испугался Жук!

— На кладбище ночью никто не пойдет!

Загоготали мальчишки. Семка пристал:

— А ты сбегай ночью. Мы тут вот, у церкви, сидеть будем, а ты сбегай. Знаешь, часовня там у овражка? Там на полу от пасхи яйца лежат крашеные. Ты одно нам возьми, принеси—мы и поверим, что ты там был!

— Ну, и принесу!

— Попробуй-ка!

— Вот ночь придет, и пойду!

— Караульте его ребята, чтоб он сейчас не сбегал туда!

Засмеялся Петька:

— Ну что-ж, караульте!

Окружили Петьку, повели к церкви полночи ждать, уселись в ограде. Солнышко зашло давно уж и темнело быстро.

Прибежал Семка с остальными ребятами, прочертил кнутовищем по ограде—так и рассыпался стук под ветлами. Вздрогнули ребята и застыли. Семка ввалился, кричал:

— Что-ж, идешь? Пора уж! Как раз к полночи на самом кладбище будешь!

Так бы в землю уйти Петьке хотелось, а встал, руки в карманы сунул, вихры поднял, как ни в чем не бывало:

Ну, пойду. Ждите, ребята!

Ребята со смешочками проводили за ограду.

Посмотрел Петька в пол на белую от луны дорогу между доспевшей ржи, хлопнул себя по ляжкам и помчался.

Перескочил Петька кладбищенский ров, зашиб палец, погрел его, потанцовал на одной ноге и пошел потихоньку по могилам к часовне.

Часовня над частоколом крестов издали виднелась. Оглянулся Петька по могилам—ни чертей, ни покойников. Тихо, как в поле. Стрекозы журчат, полынь пахнет горько. Свистнул Петька, плечами дернул:

— Дурачье!—и пожалел, что с пастухом об заклад не бился,—дудки он режет ловко! На дудку бы надо спорить!

Часовенка стояла за оградкой, двери у ней давно с петель слетели, валялись тут же. Перемахнул Петька через ограду, вошел потихонечку. Посмотрел на иконы, перекреститься хотел, да рукой махнул:

— А враки все!

Посмотрел на пол—яиц не видно. Поглядел по всем углам—нет ничего, задумался: сам хорошо знал, не раз видывал, как крашеные яйца тут на полу лежали от пасхи до пасхи, а тут, как на зло, нет.

— Ну, где же они?

Вытянул голову из плеч, а три яичка тут-как тут лежат на аналойчике, за пучком сухих цветов. Швырнул Петька цветы с досады, сунул все три яйца в карман и вдруг слышит: поднялись из могил покойники и ржавым таким голоском около самой часовенки разговаривают:

— Ну, слава тебе, господи, отмучились!

— Да уж сегодня конец!

Шлепнулся Петька за аналойчик в угол и застыл, как камешек: слышит калитка в оградке часовенной скрипит, и костяные ноги покойничьи землю давят, идут. Сжался Петька в клубок,

вкатился под аналойчик, сидит. Вошли покойники в часовню—у Петьки вихры стали, как прутья, на голове.

— Я, батюшка, все приготовил. Вот, поглядите, какая штука!—тянул ржавенький голосок, и голосок тот почудился Петьке знакомым.

— Ни дать, ни взять дьякон наш! — подумал Петька,—да, ведь, он не умирал никогда!

А голос был точь в точь—дьяконовский:

— Вот, батюшка, смотрите. Нальем мы сюда воды, а по дыркам она до самых богородицыных глаз доходит. В глазах теперь иголочкой дырки просверлить — и будут, как слезы—точнехонько!

— А ну, сверли, отец дьякон!

Помолчали голоса, повозились с чем-то недолго, потом добродушно заметил поповский бас:

— А ну, сверли, отец дьякон!

— Ну, вот,—успокоился голос.

Пойдемте, батюшка. Все, как было — ничего не заметно. А и чудо, батюшка, яйца с аналоя скатились и не разбились!

— Раз священые! — гулко уже за часовней ответил поповский бас,— так очень естественно...

Петька уйти им далеко не дал, вынырнул из-под аналойчика, отдышался, размял ногу—пересидел ее, так иглами и кололо. Поглядел на икону—правда, что слезы из самых уголков богородицыных глаз текли, покачал головою, сунул яйцо в карман, свистнул и побежал, сломя голову, окружными дорожками, чтобы живым покойникам на глаза не попадаться.

У ограды ребята ждали, завидели издали, высыпали навстречу. Сунул Петька яйцо Семке, сказал:

— Чудесно, отец дьякон. Как слеза идет!

— Не у сосновцев одних чудеса могут быть! Что там иконы покрасят, вот слезу пустить—это похитрее будет!

— Так что же теперь?

— А ничего, батюшка. Вот налью воды полненько, поставим все на место, как было, а завтра, чуть свет, просвирню подошлем, она и откроет. Я уж ей велел перед иконой тут лампаду исправить. Как будет она лампаду ставить, так и увидит!

— Ну быть по-твоему, отец дьякон. Действуй!

Пошуршали иконою, потом шарить руки стали по аналойчику. Замер Петька, дыхание затаил — слышит:

— Яйца тут на полу лежали, а я их сюды на аналой положил—и нет! Надо найти. Чтобы все, как было. Вот грех какой, куда я задевал их!

— Не скатились ли?

— Да как бы им скатиться...

Ошалел Петька, голова точно распухла—слышит—шарят руки около аналоя, показалось, что уж ткнулись пальцы в ногу его. Что тут делать? Вынул яйцо из кармана, выкатил его тихонько на пол, тут же—в самые руки дьякону.

— Вот одно!—сказал дьякон,—нашлось.

Петька выкатил другое.

— Вон и другое, отец!—прогудел бас.

— На, слопай!

— Надрожался там! Что долго больно?—дразнил тот.

— С покойниками ужинал!—хихикнул Петька и помчался домой, что есть мочи: в груди так и билось, так и звенело.

Разбудил дьякон просвирню чуть свет, сказал:

— Иди-ка, мать, просвирня, в часовню, да оправь, матушка, лампаду перед богородицей. Явилась она мне во сне нонче и так горестно жаловалась, что забыли ее женщины деревенские На лампадку маслица дать скупятся...

Всплеснула руками просвирня:

— Да неуж-то?

— Не вру, чай. И как стала она уходить, так из глаз у ней слезы, слезы. Бери-ка, мать, маслица, да ступай с богом!

Оделась просвирня, захватила маслица и побежала в часовенку, крестясь и всхлипывая. А как взглянула на богородицын лик—заохала, застонала и побежала в деревню. Точно электрический ток—по деревне пошло:

— В часовне, на кладбище, богородица слезы льет! Забыли мы господа! Горе нам! Разгневалась на нас, плачет!

Повалил народ на кладбище. Кому в поле надо было, остались. Вся деревня высыпала, кто с чем—

все с приношениями. Батюшка велел на церкви такой трезвон поднять, чтобы и окружные деревни знали.

Сбегала Марья на кладбище, пришла Петьку будить:

— Пропали мы с тобой, сынок! Разгневалась пречистая! Агроном нас в грех ввел—начал тут турусы на колесах плести... И бога-то нет, и чудес не бывает! А ты, Петька, всему заводила!

Протер Петька глаза, натянул штаны, посмотрел на мать:

— Что случилось-то у тебя?

— Богородица слезы точит!

Петька почесал затылок, сказал угрюмо:

— Налили керосину, керосин бы точить стала!

Марья даже присела от страху:

— Да ты что это, бесстыдник, ополоумел что ли? Разразит тебя господь за такие слова...

— Да ты слушай, мамка... коли я сам видел!

— Чего ты видеть мог!

— А вот что!—сел на порог Петька, стал рассказывать,—вот как дело было!

Вытаращила глаза Марья.

— Врешь ты, Петька! Во сне ты это видел!

— Ну, во сне. Пойди, ребят спроси!

Петька побежал на кладбище. На кладбище от бабьих платков, как от цветов на лугу, и пестро, и нарядно, и весело. Примчался Петька, у самых ворот столкнулся с Гаврилой.

Сидел милиционер у ворот для порядка, головой качал сокрушенно. Увидел Петьку:

— Эх, карандаш, какое дело-то? А? Что тут скажешь?

— А что?

— Вот, говорят, что будто и бога нет, и чудес не бывает. А у нас, что слыхал, чай?

— Прежде всех даже!

— От просвирни, что ли?

— Пораньше!—засмеялся Петька,—пораньше!

— От кого же?

— Да от отца дьякона еще! Как они чудо это делали!

— Ты что, карандаш, плетешь?—насторожился Гаврила.

— А ты икону глядел?

— Глядел!

— И ничего?

— Ничего!—А ты что знаешь разве?

— Пойдем! — буркнул Петька. Только, ежели меня бить будут, так ты вступайся!

— В обиду не дам, — пожал плечами Гаврила,—только гляди...

В часовенку входили поочереди, возле, в эпитрахили, служил поп, ржавеньким голоском подтягивал ему дьякон. Петька перекрестился истово, протискался в часовню, приговаривая:

— Дайте приложиться, православные!

В часовенке стояли мужики с сизыми от ветра лицами, с воспаленными глазами—не то сами плакали, не то дивились. Протолкался и Гаврила, его пустили охотно.

— Гляди, гляди, богоотступник! Кайся!

Петька протерся к иконе, облапил ее точно для того, чтобы приложиться, поскользнулся и вдруг хлопнулся на землю вместе с иконой. Гаврила кинулся его поднимать, мужики обступили. Петька ловко выбил икону из киота, поднял ее, опрокинул:

— Вот-глядите, мужики! Какие тут слезы, то!

Ошалели мужики: вытекли слезы из иконы, упали черными лужицами на землю. Сжали кулаки, кинулись на Петьку, а он уже за Гавриловой спиной:

— Потряси ее, Гаврила!

Гаврила потряс, попадали последние капли.

Седой мужик, не разжавши кулаков, рявкнул:

— Это что же?

— Дьякон дырочки просверлил, воды налил, а я это видел! — пискнул Петька.

— Значит, обман?

— Обман, граждане!—сказал Гаврила,—обман. Вот глядите, какие тут дырочки и вся механика!

— Обман, православные!

IV.

Петьку никто не бил, но слава про него пошла такая, что мать только охала, да вздыхала.

Просвирня по деревне ходила с утра до вечера, бабам рассказывала:

— Ничего такого не было. А был всем нам только отвод глазам. Разве это Петька? Разве у Марьи такой мальчишка был? Совсем не такой. Марьиного мальчишку давно цыганы подменили вот этим. А это от цыганки да колдуна родился. Он глаза отводить может, потому колдунок.

Мужики посмеивались:

— Полно, матушка, болтать зря! Скажи прямо, что поп этой штукой от церкви народ отбил, а тебя подослал выворачиваться наизнанку.

Щетинилась просвирня:

— Мне с попом детей не крестить. Мне—что ты, что поп — все равнехонько. А только того быть не может, чтоб простой мальчишка был! И домового ловил, и папоротники у него цвели, и с чудесной богоматерью такое учинил! Не человек это будет!

Мужики плевались, не слушали. Просвирня по бабам бегала, шушукала:

— Глядите — он и бабий клад найдет! От этого оборотня все станется. Затем его Марья и держит, что он клад ей достать обещал. Разве мать сына не угадает? Он черный весь и волосатый, и с хвостом, и с копытами. Приглядитесь-ка к нему!

— Что же Марья-то не видит, что ли?

— Видит, да кладом он ее купил, признаться она не может. А кабы признаться могла, что бы лучше? Покропить бы его святой водой, он бы сейчас же и рассыпался в порошок!

Дивились бабы, верить не верили, а на Петьку часто глядеть ходили. Многие посмеивались, а были такие, что и хвост видели, и копыта.

В ту пору вернулся из тюрьмы Дорофей. Услыхал он о Петьке, не задумавшись, поддакнул:

— Верно, верно! А то как бы мальчишке в такую чащу ночью зайти? А вот я-то, дурак старый! Ведь сам я ему и дверь отворил!

— Как дверь отворил?

— Слышу—скребет кто-то за дверью. Подошел, открыл ее—гляжу—котенок. Глаза, как угли, шерсть стоймя стоит и мяучит. Пустил я его, он занные, ни дырочки, ни трещинки, чтобы из соседей кто не доглядел, как она там колдует с мальчишкой этим!

Долго думали мужики, потом стали рассуждать, что хоть колдовство дело и грешное, но раз от того колдовства хула нет, а добра девать некуда, то можно и им поколдовать.

Пришли мужики к Марье:

— Вот что, Марьюшка! Не томи ты нас, на себя бед не кличь: скажи ты нам по хорошему, по родственному, как ты бабий клад нашла и как ты хозяйство свое колдуешь? Не скупись, скажи!

... вдруг хлопнулся на землю вместе с иконой.

понюхал, да и назад! Теперь-то уж видно, что Петька это и был! Откуда в лесу котенку взяться!

Думали долго бабы на печах, на полатях. Шептались на завалинках, на скамеечках. Где сойдутся, где встретятся—все о Петьке разговор.

——

А через год не в одной Костровке, а по всем окрестным деревням только и разговору было:

— Костровский-то колдунок, Петька Жук, бабий клад отыскал матери. А клад не золотой, а колдовской. Все хозяйство они им заколдовали!

Самые раздеревенские - деревенские коровы у Марьи молока доят не хуже заграничных. У мужиков к Рождеству для грудных ребятишек молока не хватало, а у Марьи что на Рождество, что к Пасхе молоко девать было некуда.

— Как же не колдовство?—разнеслось по деревне,—нешто без колдовства может так простая корова доить? Потому у них и хлевы такие умазанные...

Засмеялась Марья:

— Не меня спрашивайте. Кто мне клад открыл, тот и вам откроет. Ступайте к агроному нашему, он вам ваши клады найдет.

Молчат мужики—не верят. Осердилась Марья:

— Ну и головы у вас! В клад вы верите, а агроному не верите, хошь ученый человек. А ведь у вас на глазах дело было...

Задумались мужики. Буркнул дядя Василий:

— А хлевы-то зачем умазала?

— Да затем и умазывала, что агроном сказывал—от тепла коровы жрут меньше и молока дают больше: корм-то им в молоко идет, не в тепло!

Переглянулись мужики, видят, что на правду похоже. Поспрашивали еще и о том и другом—все гладко, одно к одному, и толк выходит.

— Ну, не взыщи, Марьюшка, — встал Василий,—что обеспокоили и сплетку сплели про тебя. Попробуем и сами по-агрономову жить!

■ ■ ■ ■ ■

Миша Зак.

ПИОНЕРСКИЙ ФОРПОСТ В ШКОЛЕ.

Каждый юный пионер должен много внимания уделить работе в школе. Эта работа должна проводиться через форпост юных пионеров, который организуется при всех школах 1-й и 2-й ступени, не менее, чем из 3-х пионеров. Для организации форпоста необходимо предварительно договориться с рай бюро.

Организуя в школе самих себя, пионеры должны организовать и других учеников. Надо, чтобы учком руководил всей внутренней работой, жизнью школы, а также тесно об'единял бы и организовывал вокруг себя учеников, как форпост пионеров. Во всех комиссиях (хозяйственная, санитарная и пр.), кружках (политический, естественно-научный, драматический, музыкальный и пр.) пионеры активно работают, привлекая к этой работе и других. Если в школе не имеется читальни, пионеры стараются организовать таковую, устраивают там чтение газет и рассказов, организовывают уголок пионеров, издание рукописной газеты или журнала, устраивают политические беседы, на антирелигиозные темы и т. д.

Если пионеры возьмут на себя организацию и проведение игр, физкультуры и отдельных элементов другой пионерской работы,—все ученики будут очень рады и с удовольствием займутся этим. Кроме того, пионеры должны стараться привить ученикам правильный товарищеский взгляд на взаимоотношения друг к другу и мальчиков к девочкам. Они проводят энергичную борьбу с курением, руганью, хулиганством и т. д. Самое важное здесь то, чтобы пионеры своей работой и своим поведением показали пример остальным ученикам.

Пионеры должны способствовать втягиванию школы в общественно-политическую жизнь. Школа обязательно должна участвовать во всех проводимых кампаниях и отмечать все наиболее важные политические события. Пионеры вместе со школьниками устраивают вечера, уголки, выпускают рукописную газету и т. д.

Особенно тесная связь должна быть с комсомольской и пионерской организацией. Здесь пионеры должны знакомить учеников с историей и работой Российского и мирового Комсомола и пионеров, организовывать совместно вечера, привлекать учеников на комсомольские и пионерские собрания, кампании, праздники и к практической работе с тем отрядом, к которому прикреплен форпост пионеров.

Тов. Луначарский с пикорами.

Связь школы с предприятиями нужно наладить: оказать помощь рабочему клубу, нести дежурства в перемене книг и пр., выполнять задания завкома и участвовать в заводских событиях. Через пионер-форпост школе нужно помочь.

Связь с профсоюзами, ОНО и другими организациями может быть налажена каждой школой. Особенное внимание надо обратить на помощь таким организациям, как МОПР, ДОБРОХИМ, ОДВФ, на работу по борьбе с беспризорностью и т. п., проводя различные обследования, кружечные сборы, разноску пакетов и пр. Дабы не было одинаковой работы и в школе и в пионер-отряде, пионер-форпост старается согласовать школьную работу с пионерской. Если школа с образовательной целью идет на какой-либо завод, то с этой же целью итти туда пионер-отряду не нужно. Расписание дней и часов занятий школы также должно быть согласовано. В связи с тем, что один день в неделю предоставлен на внешкольную работу, пионер-форпост должен постараться всю свою работу проводить в этот свободный от занятий день.

В НАШЕЙ ШКОЛЕ.

Школа дозавуча в Москве.

Изучаем деревню.

У нас была одна из тем летних занятий—знакомство с деревней. Мы выбрали село Ростокино.

Раньше всего мы составили схему, в которой были вопросы обследования. Мы разобрали вопросы по 2 и по 3 человека. В каждой из этих троек были: кто хорошо рисует, кто хорошо сочиняет. Всех вопросов схемы мы не узнали, потому что не успели.

Первая тема была: расположение сельца и общий вид. Когда мы доходили к Ростокину, мы посмотрели, какой вид у села: как расположено, яркое ли, красиво ли. Докладчики стали записывать и зарисовывать.

Потом мы пошли дальше. Когда мы пришли в самое село, то каждый разбирал тут свою тему. Учительница и две девочки взяли 2 темы: управление села и занятие жителей, состав населения. Они пошли к председателю Сельсовета, чтобы узнать ответы на эти 2 вопроса.

Очень интересный был у нас доклад одной девочки об яслях.

Моя тема была: общественные и культурно- просветительные учреждения.

Я ходила по улице и записывала по вывескам учреждения. Больше всего чайных лавок, 2 кооператива, клуб, несколько палаток. На улице я встретила одну тетеньку и стала ее расспрашивать, что мне было интересно. Мне больше всего интересно было про ее жизнь. Она мне рассказала, что ее муж работал на железной дороге, и там они жили. Его задавило поездом ночью, когда он железную дорогу стерег; она осталась одна, у нее пятеро детей. Дети учатся в школе, а двоих маленьких она записала в ясли. Она мне рассказывала расположение дворов, они в три ряда; рабочие дома посредине, крестьянские—спереди, а остальные—совсем назади. Я должна была узнать еще про ячейку РЛКСМ, но не смогла: в будни комсомольский клуб открывается только с 7 часов, потому что комсомольцы работают, а в воскресенье был дождь и меня не пустили. Так и остался этот вопрос не расследованным.

На фабрике.

Изучив деревню, мы решили ознакомиться также и с ростокинской красильно-аппретурной фабрикой. Перед экскурсией на фабрику мы составили план изучения этой фабрики так же, как сделали это при изучении самой деревни.

Вот какие вопросы мы наметили и изучили на фабрике:

1. Откуда фабрика получает ткани для окраски.
2. Какая ткань окрашивается.
3. Через какие отделения проходит ткань.
4. Какая там работа.
5. Какие там машины и чем приводятся в движение.
6. Есть ли опасности и вредности.
7. Кто выполняет работу.

Интересовались и торговлей.

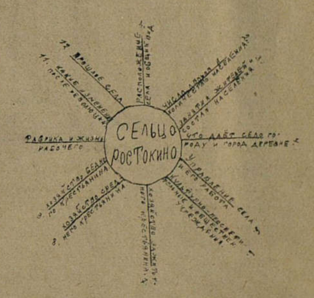
Мы решили также ознакомиться и с состоянием местного кооператива, зная, какое значение имеют кооперативы в нашей Республике.

Мы узнали, как организовался кооператив, о том, что вначале в нем было членов 50, а через несколько месяцев уже 200 человек.

По нашему мнению, ростокинский кооператив работает хорошо, борясь с дороговизной и частной торговлей.

Сами пишем пьесы.

Захотелось нам представлять. Надо бы нам пьесу придумать, а мы за устройство сцены—пьеса у нас последнее дело. Когда все устроили, уже хотели за костюмами итти, да вспомнили, что не придумали, что представлять. Стали думать и надумали. Написали коллективно пьесу, как произошла революция, как ее проклинала буржуазия, и как ей рады были рабочие.

Ученица школы им. А. А. Луначарской
Нина Гринберг.

Миша Гольдберг.
Пионер 8-го минского отряда.

Фото-иллюстрация В. Зубкова.

ЛЕНИНСКИЙ ЗНАЧЕК.

По двору ходит десятилетний Гришук. На шее у него лохматый, темнокрасный мамкин платок, на пионерский манер завязанный.....

— Эх! Ходить бы Гришуку в настоящем пионерском галстуке.

Вот было записался в отряд, что при батькином союзе „строителей" организовался. Собрания посещал, в звене „Красный моряк" был, даже его пикором выбрали.... А пришел отец в клуб пионерский, ругался так здорово. Гришука увел, и дома больно-пребольно выдрал....

— Что б ты не смел туды больше шляться. Дома сиди, матери помогай... Тоже пиванер нашелся....

Ревел Гришук долго. Не помогло. Так-таки от пионерской семьи оторвался.... Ходит он не в пионерском галстуке, а в платке мамкином, грязном.....

— —

У груды кирпичей, лежащей за старым, полуразрушенным забором, Гришук нашел маленького Ленина.... Маленького, в черной рамке, а наверху буковочки, буковочки:

„Да здравствует первое мая".....

С радости (а Гришук про Ленина—ух!—как знает) сопля скатилась агромадная..... Схватил значек, пальцами преласково ощупал и нацепил на грудь....

Целые дни ходил счастливый. На значек Ленинский все с счастьем поглядывал. Будто сердцем сросся с блестящим, маленьким Лениным.......

И вдруг—черное, безысходное горе.

Значек потерял.

Так это просто случилось.

Шел за водой, возвратился с полным ведром—через силу тащил—глянул с улыбкой на грудь, ан, значка нет.

К-лок-клок-клок-клок!.... — крепко застучало сердце, как язычек в колокольчике.

На глазах наросли большие, белые, соленые слезы.....

Искал, долго искал,—напрасно....

— Потерял.... Ленинчика потерял.... Счастье потерял.......

— —

Долго думал и решил:

Поеду в Москву к могилке Ленина....

С тех пор к поездке в Москву готовиться стал: продавал на улицах ириски по „три копейки—пара", монету понемногу сколачивал.....

— —

Почтовый весело несется среди зеленых полей и лесов.....

...... Ты чего здесь?

На площадке вагона кондуктор наткнулся на Гришука.......

Гришук блеснул глазеньем.

—Мне, дяденька, бесплатно полагается!... Я к Ильичу пру.

Нахмурился кондуктор. Как-будто злобно сказал:

—Ну, ступай в вагон, чертенок... На следующей станции ссадим...

Но Гришука так и не ссадили... Так-таки до Москвы и докатил.

— —

День плутал по грохочущим улицам Москвы, залитым солнцем.....

Громадины-дома щурились сверкающими глазами окон на маленького Гришука, затерявшегося в бурливой, уличной толпе.

Много народу шло туда и сюда.

Спрашивал несколько раз:

— Где могилка Ленина....

Показывали. Не находил.

Только ночью попал на Красную площадь.......

— —

Караульные не заметили юркой, маленькой тени пронырнувшей к ограде вокруг мавзолея....

Только утром, когда клыки Кремля пронзили золотисто-багровые, солнечные зайчики, кара-

ульный в красной шапке заметил фигурку мальчика, скорчившуюся у ограды.... Гришук спал.

— Эй! Ты! Кто там!... Чего здесь валандаешься!....

Спросонья—Гришук:

— Я—к Ленину....

———

Праздновала московская детвора—детнеделю.

Тянулись по городу бурлящие, звонкоголосые демонстрации.

Солнечные гирлянды...

Не было улиц, площадей, скучных домов,—было одно цветистое поле красных маков.....

Песни весенние—полощутся....

И среди ребят был—Гришук. Из милиции его отправили в приемник для беспризорных, а оттуда попал в детдом....

И сегодня Гришук дает торжественное обещание. Сегодня Гришук оденет настоящий пионерский галстук. Сегодня Гришук клянется быть верным делу рабочего класса, быть верным заветам того Ленина, который, вот здесь, маленький, блестящий, приколот к его груди. И не только на груди... Бьется ленинское сердце у Гришука в груди....

■■■■■

В НАШЕЙ РЕДАКЦИИ.

Пикорская смычка.

Мы, члены Редколлегии „Пионера“, чтобы теснее сблизиться с ребятами решили устраивать заседания Редколлегии в каком-нибудь отряде. Первое заседание мы устроили совместно с конференцией Редколлегий стенных газет отрядов и детдомов детского городка им. Калинина в Покровско-Стрешневе.

Разбор материала производим мы очень тщательно...

Начали мы с того, что стали подбирать материал к 6-му номеру „Пионера“, т. е. проводить нашу редакционную работу, давая при этом ребятам практические указания, как надо, и как не надо писать в журнал и стенгазету, как вообще редактировать материал. Тут же мы обрисовывали ребятам, какие обязанности должны лежать на юнкоре. Кроме того, мы показывали ребятам фотографии, какие также нужны „пионеру“ и какие нет. Разбор материала производили мы очень тщательно и довольно долго, так что ребята могли также убедиться в том, что „Пионер“ „мастерят“, действительно сами пионеры.

Так как было уже довольно поздно, то мы решили остаться для беседы у костра. Вкруг нашего костра образовалось большое кольцо ребят, и пропев, несколько наших песен, мы начали беседу. Первым долгом узнав, от ребят, что они плохо знают о войне прошедшей и надвигающейся (так как большинству из них было 10, 11, и 12 лет), мы поспешили их с этим ознакомить.

Секретарь нашей редакции комсомолец делился воспоминаниями о том, как комсомольцы участвовали в сражении с белыми и о жестоких расправах белых с комсомольцами. Затем прочитали ребятам рассказ, „Юный машинист“, который мы, вместе с ребятами, постановили принять в журнал. Еще раз поговорив о „Пионере“, и о том, что он без их поддержки не может существовать, ребята дали нам слово, что будут держать тесную связь с редакцией, и активно участвовать в „Пионере“, втягивать в него ребят и содействовать его распространению. Закончили мы свою смычку редакции журнала „Пионер“ с ребятами Покровско-Стрешнево, дружным пением „Молодой гвардии и вторичным обещанием ребят—быть активными помощниками своего журнала.

Член широкой редколлегии „Пионера“.
Александр Журавлев.

Ждем, не дождемся...

Малаховский детский поселок шлет свой братский привет „Пионеру“, журналу юных ленинцев и всех рабочих и крестьянских ребят всего СССР.

В нашей читальне, мы с большим увлечением читаем дорогой для нас журнал „Пионер“.—Он очень интересен по своему содержанию и по своим отделам, говорят все наши ребята, но вот беда,—выходит он очень редко. Ждешь, ждешь другой раз новый выпуск „Пионера“, прямо не можешь дождаться.

И вот мы просим Ц. Б. Д. К. Г. выпускать журнал „Пионер“ два раза в месяц, а, если можно, так еще чаще. Это не одно наше желание, а желание всех пролетарских ребят, которые, как и мы, любят и читают „Пионер“.

Ст. Малаховка. Пионеры Малаховского детского поселка.

Редколлегия „Пионера“ в подшефном отряде.

Пионер доставляет нам удовольствие.

Мы, юные пионеры-ленинцы 8-го, им. Коли Фокина, отряда, Выборгского района г. Ленинграда, приветствуем свой журнал „Пионер“. Он доставляет нам много удовольствия и разумного развлечения. К сожалению мы не имеем своего номера, так как клуб имени К. Маркса, журнал „Пионер“ выписывает, но держит его у себя в читальне, а нам не дает.

Мы хотим через тебя, „Пионер“, завязать переписку с другими отрядами нашего СССР.

Сейчас мы не знаем, куда писать, а вот теперь мы просим вас т. т. пионеры других отрядов, давайте переписываться. Напишите нам что-нибудь о жизни вашего отряда, а мы сразу с радостью напишем вам ответ,

Ленинград, пр. К. Маркса, в Выборгском районе.
8 Отряд Юп. Пион. им. Коли Фокина.
Бюро Пикорского Отряда.

Как я был в редакции.

Мне очень хотелось посмотреть, как живет наш журнал „Пионер“, как его печатают и издают.

Раз пять подходил я к дверям редакции—все не решался войти—выгонят, мол—скажут, без тебя дел много. Но вот я зашел. Сразу встретил ребят с косынками. Это пионерская редколлегия. Я сказал им о своем желании. Мне показали все, что было можно, и в другой раз я уже не буду бояться подойти к дверям—там свои ребята.

Пикор. 16 отряда Бауманск. района **Ким.**

Помогли организоваться.

Наш журнал „Пионер“ издавался в типографии имени „9-е января“.

Рабочие, набирая журнал, заинтересовались пионерским движением и решили организовать отряд у себя при типографии. Взялась за дело ячейка РЛКСМ и наша редколлегия решила помочь им сорганизовать ребят.

Вот ячейка собрала собрание всех ребят, желающих быть пионерами. Мы явились туда несколько человек, нас все встретили очень хорошо. Мы с ними провели маленькую беседу о пионерах. Ребята нас засыпали вопросами о наших обычаях, о лагерях и, вообще, о пионерах. Мы на все их вопросы ответили.

Затем мы провели разбивку на звенья, ребята выбрали вожатых звеньев.

Было сорганизовано и звено октябрят, которым взялся руководить секретарь ячейки РЛКСМ.

После этого мы все спели нашу любимую „картошку“, сварили Пионерский клей, чтобы наша связь редколлегии журнала „Пионер“ с отрядом Ю. П. при типографии „9 января“ были крепка.

У ребят не было ни галстухов, ни вожатого. Тогда рабочие решили отработать несколько лишних часов на галстухи ребятам. Ячейка РЛКСМ достала вожатого, и теперь отряд работает во всю, и обещает быть одним из лучших отрядов района.

Пикор **Гольберг.**
16-го Отряда Баумановского района (Москва).

Заседание широкой редколлегии „Пионера“.

КАК МЫ ПРОВЕЛИ НАШУ НЕДЕЛЮ

Автомобиль редакции „Пионера" в дни Детской Недели на улицах Москвы.

Крепим смычку.

(Новгород-Северск, Черниговск. губ.).

— Ребята, сегодня пойдем в село Горбово на открытие Международной детской недели.

Выстроились. Впереди—знамя, барабан.

— Шагом ар-рш. Рраз. Два. Левой...

С песнями двинулись к Горбову. Весело, по дороге—шутки, остроты, смех. За час прошли 8-ми верстное расстояние,—отделяющее Н.-Северск от Горбово. Входим в село. Громко звучит барабан.

Крестьяне вышли из своих хат и с удивлением смотрят на отряд пионеров с красными знаменами, в красных галстуках, бодро шагающих по селу с пением революционных песен.

Вот клуб сельских пионеров.

Последние, выстроившись, ожидают нас. Коллективно поздоровались.

— Здравствуйте, ленинцы города.

— Здравствуйте, ленинцы села,—дружно прозвучал ответ.

Ребята врезываются в нашу колонну. Идем к сельсовету. Толпа заинтересованных ребятишек поплелась за нами. А крестьяне по сторонам тоже последовали за нами вслед.

Пришли. Сельсовет не вмещает всех собравшихся. Торжество переносится на улицу.

Коллективные крики, пение. Приветствия от парткома, ячейки ЛКСМ, сельсовета и городских пионеров. Затем—простой доклад о международной детской неделе.

Детишки были страшно заинтересованы и с напряжением слушали, особенно, когда рассказывали о вечеринке, устроенной Лениным для крестьянских детей за несколько дней до своей смерти.

После этого сопровождавший нас комсомолец сделал крестьянам доклад о пионерах.

Заключительная речь, торжественная передача знамени и—заседание закрыто. Дружно затягивается гимн юных ленинцев.

— В мощной, могучей заводов груди,
В солнечных далях полей и лесов!

Гандбольный матч городских пионеров. С удивлением глазеют ребята на „хвутбол". После игры даем им мяч.

И вот около 100 деревенских ребят с криком радости и смехом бросились за мячем. Каждому хочется пощупать, подержать в своих руках мяч. Все были удовлетворены, когда мы научили их играть и обращаться с мячем. Потом—подвижные игры, опять пение; раздаем принесенные с собой газеты и журналы, песни, знакомимся с селом.

После—показываем световые картины волшебным фонарем.

— Ну, ребята, пора собираться,—говорит руководитель Лева.

Прощаемся с сельскими ребятами и под звуки барабана трогаемся обратно. Вот показался Н.-Северск, мы прибавили шагу; через $1/2$ часа мы в своем клубе, утомленные от дневной работы.

— Вольно-о!...—выходим из строя и спешим по домам.

Пионер **З. Лифшиц.**
Новгород-Северск.

ОТ РЕДАКЦИИ: *Хорошо поступают новгород-северские пионеры, что держат связь с деревней, но зачем устраивать „футбольную" смычку? Советуем, ребята, самим бросить вредную для здоровья игру в футбол и тем более не обучать ей деревенских ребят.*

Детнеделя в школе.

Недавно происходили выборы школьных советов в школах. Мы сумели добиться того, что в число представителей в школьные советы от детей — большинство прошло пионеров. Почти в каждой школе организованы форпосты. Одно плохо: некоторые пионеры не совсем хорошо ведут себя в школах, что подрывает авторитет пионерской организации. У нас в Туле губком РЛКСМ и Губбюро ЮП начали работу по созданию школы дозавуча при Тульских оружзаводах.

В МДН было много проведено утренников, вечеров, как общегородских, так и по районам, в которых участвовало много ребят школьников и детей детдомов. В последний день МДН на площади „Восстания" у памятника Ильичу был устроен грандиозный парад, где пионеры под приветствия партии, Комсомола, проф. организации дали торжественное обещание.

В. Сухотин. (Тула).

У киргизских пионеров.

В Международный Юношеский День и Международную Детскую Неделю в городе Оренбурге на Первомайской площади пионеры в количестве 6 отрядов давали торжественное обещание. На этой площади присутствовали Комсомол и рабочие организации. Было принято шефство Городским Советом над пионерами города Оренбурга. В честь взятия шефства было преподнесено знамя и были переименованы одна площадь и улица. Площадь называлась Деевской, а теперь Пионерская площадь. Улица—Каргалинская, а теперь—Комсомольская. В Киргизии это даст большой толчок и интерес к работе.

14/IX—24.

В. Ратнер. (Оренбург).

ФОТО-ГАЗЕТА „ПИОНЕРА“

60-ти летие I Интернационала.

28-го сентября сего года исполнилось ровно 60 лет со времени организации „Международного Товарищества Рабочих“, или I Интернационала, основанного в 1864 году в Лондоне, представителями английских, французских, немецких и бельгийских рабочих.

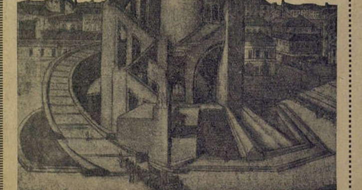
На знаменах I Интернационала были написаны слова Карла Маркса: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Сам К. Маркс, создавший учение классовой борьбы пролетариата, был одним из виднейших его руководителей. Слабое развитие рабочего движения в то время, Франко-Прусская война, поражение Парижской Коммуны привело к прекращению деятельности I Интернационала. Но рабочее дело не погибло. Под знаменами III Коммунистического Интернационала, организованного в 1919 году, сплочены уже не десятки, а сотни тысяч рабочих, не только Запада но и порабощенного Востока.

Карл Маркс.

ПАМЯТИ 26 КОММУНАРОВ.

20-го сентября 1918 г. партия эсеров на Кавказе захватила власть в Баку и пригласила английские войска. 26 коммунистов, работавших в это время в Бакинском Совете Рабочих Депутатов, были взяты в плен, а потом, по приказу английских генералов были, под видом отправки в Индию увезены на станцию Ахча-Куйма и убиты.

Среди убитых англичанами есть много старых революционеров большевиков, имена которых будет вечно чтить рабочий класс. Степан Шаумян, свыше 20-ти лет работавший на Кавказе, член ЦК нашей партии, бывший председателем Совнаркома в Баку после Октябрьской революции. Алеша Джапаридзе, стойкий революционный деятель с 1898 г. председатель Бакинского Совета. Ваня Фиолетов — любимец бакинских рабочих. Мешади Азизбеков — организатор и вождь рабочих мусульман, товарищ Карганов — организатор Кавказской Красной армии. Никогда рабочие Советской страны не простят английским империалистам крови лучших вождей бакинского пролетариата. Эта печальная годовщина совпадает с новым контрреволюционным восстанием в Грузии, организованным меньшевиками при тайной помощи все той же, английской буржуазии. Шестилетний опыт революции прошел недаром. Позорным крахом кончилась контрреволюционная попытка взорвать Советскую власть.

Проэкт памятника 26 в Баку.

РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
СЕКЦИЯ
Коммунистического Интернационала
МОЛОДЕЖИ.
Рузаевский Уездный Комитет.
Сентября 20 дня 1924 г.
№ 3238.
г. Рузаевка.

От Комсомола — пионерам.

Рузаевский Уком РЛКСМ препровождает снимок с выпущенного паровоза и двух вагонов силами членов РЛКСМ 10 МЮД 7 сентября. Половина заработанных денег около 120 руб. отправлены в Германию через Исполком Ким'а для заключенных в тюрьмах членов КСМ. на остальные приобретена для деревни литература.

Паровоз для большего укрепления связи с юными пионерами назван „Юный Пионер“ — наверно это первый в мире такой паровоз.

С комсомольским приветом Рузаевская организация РЛКСМ Пензенской губернии.

Ответств. Секретарь Укома РЛКСМ Поляков.

МЫ РАСТЕМ.

Пионерское движение, начавшееся с 4 тысяч к 5-му с'езду комсомола, (октябрь 1922 г.) к 6-му имела уже 300 тысяч, а теперь 700 тыс. ребят в своих отрядах.

Скоро проведем в жизнь лозунг „1000000 ленинцев“ бролис. ный 6-м с'ездом комсомола.

С НЕУРОЖАЕМ — СПРАВИМСЯ.

Председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков на сходе крестьян неурожайных местностей.

В этом году Поволжье снова постиг неурожай. В прошлом году мы собрали 2.800 миллионов пудов хлеба, а в этом году, благодаря неурожаю, мы получили лишь 2.640 миллионов пудов. Однако, голод нам не угрожает.

Если к урожаю нынешнего года прибавить прошлогодний остаток-150 миллионов пудов, тогда количество хлеба, имеющееся в нашей Республике, почти равно урожаю прошлого года. Это дает нам возможность не только удовлетворить потребность в хлебе всего населения СССР, но и использовать в обмен заграницей на нужные нам товары около 75.000.000 пудов.

Совнарком принял всевозможные меры по оказанию помощи крестьянству неурожайных мест. Сам председатель Совнаркома СССР т. А. И. Рыков об'езжал села и деревни, которые постигло бедствие. Крестьянам выданы семена для посева, оказана помощь по кормлению скота.

Собственным силами, без помощи американских „благодетелей“ мы справимся с бедствием.

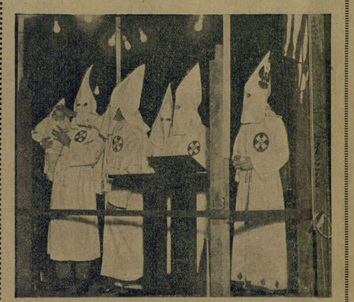
Вождь китайских революционеров.

В настоящее время в Китае происходит гражданская война. Во главе борющихся китайских революционеров стоит доктор Сун-ят-сен. Еще 25 лет тому назад, когда Китаем управлял царь, Сун-ят-сен выступил против царской власти. Он уже тогда организовал революционную партию, которая боролась за свержение царя и установление в Китае республики. Эта партия называется Го-мин-дан.

Сун-ят-сен.

АМЕРИКАНСКИЕ ФАШИСТЫ.

Ку-клукс-клан — такое название носят американские фашисты. Это самые ревностные слуги буржуазии. Главная их цель — бороться с революционным движением рабочих. В своей борьбе они не брезгают ничем, убивая из-за угла и вешая вождей рабочих. Вся организация носит таинственный характер, одевается в странные одежды, устраивает торжественные церемонии. Перед нами крещение ребенка.

Г. Никифоров.

Рис. художн. К. А. Фридберга-Арманд.

Красные воробьи

(Окончание)

Гришка и „планты".

Повели ребят к полковнику.

Полковник с длинными седыми усами, толстый, как пивная бочка, отрывисто, хриплым басом по собачьи, спрашивал:

— Чьи?

Ребята оробели, Петька с Васькой за Гришкиной спиной прятались.

— Ну!—зыкнул полковник, ты—и больно рванул Гришку за ухо.

От колкой боли Гришка подскочил даже.

— Беженцы мы... от красных бежали...

— Врет, ваше высокородие,—заговорил казак. Каки здесь беженцы?

— Беженцы трахтом, да и народ все чистый из купечества, а это голодранцы приблудные, альбо шпиёны.

— А вот мы сейчас узнаем. Сидоренко! Дай плеть.

Гришка побледнел даже, неужели бить будут?

Полковник, потрясая плетью, рявкнул: Скажете теперь?

Вступился сидевший тут же пехотный офицер.

— Оставьте полковник, ну какие это шпионы? Ведь, это же смешно, наконец.

— Да? Вы уверены в этом?

— Ну, конечно же, охота вам расстраиваться по пустякам.

— Гм,—промычал полковник. Ну, ладно, чорт с ними... Сидоренко! уведи их.

Сидоренко козырнул и двинулся к выходу.

Ребята повеселели.—Вот, чорт толстый, чуть не отхлестал.

— Стой!—загремел опять голос полковника. Ты! вот этот побольше, как тебя?

— Гришка...

— Вот что... мм... сапоги чистить умеешь?

— Умею, господин полковник, — отчеканил Гришка, вытягиваясь по-военному.

— Отлично, останешься у меня, денщику помогать будешь.

Гришка успел все-таки шепнуть товарищам: далеко не отлучайтесь, забегу...

Минут через десять опять голос полковника. Гришка, как встрепанный, у дверей уж.

— Скажи дневальному, чтобы оповестил господ офицеров, в шесть вечера совещание, понял? Живо, арш!

За час до совещания Гришка и денщик Сидоренко чайную посуду перетирали и самовар раздували голенищем сапога.

Собирались офицеры. Подавая чай, Гришка замечал, как над большой, исполосованной черными линиями картой, спорили офицеры, слышались отдельные выкрики: Извините, господа, но мы должны подождать подкреплений и только тогда можем ударить по правому флангу красных.

— Слушайте, поручик, это же ерунда, план разработан, вот он,—заговорил худощавый высокий офицер и ткнул пальцем в какую-то бумагу.—Что нам подкрепление, оружия достаточно, люди отдохнули, мы немедленно должны ударить.

Гришка обдумывал.—Вот, черти, как же быть то? Эх! если бы к своим удрать, да рассказать, вот штука будет, всех накрыли бы!

Улучил Гришка минутку, когда офицеры расходиться начали, и шмыгнул через двор к ребятам на кухню.

— Васька! Петька! здесь, что ли, вы?

Здесь, здесь!—откликнулись те,—картошку чистим.

— Бежать надо, зашептал Гришка. Как улягутся все, вы потихоньку туда вон, за энти плетни, к огородам, не попадитесь только.

Гришка раздувал и обдумывал.

— Ну, вот.

— Ложитесь там и ждите, поняли? и, отскочив от окна, Гришка умчался обратно...

Было темно, а полковник все еще шагал по комнате.

Гришке же в голову лезло: Хорошо бы стибрить планты эти, но от мысли такой пробегал внутри холодок и сердце начинало бестолково прыгать в груди: убьют, ведь, если попадусь...

Денщик укладываться начал, когда полковник неожиданно гаркнул: Сидоренко! постель, Гришка! разувай—и, усевшись на стул, вытянул ногу.

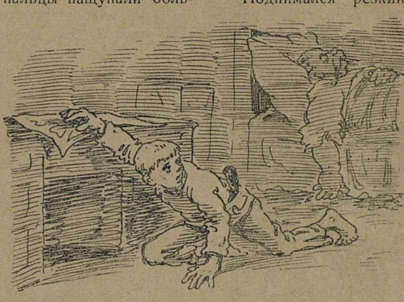
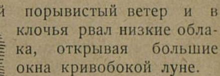
Через час огонь был потушен, денщик похрапывал.

Примостившись около кухонного окна на широкой лавке, Гришка слышал, как покряхтывал

на походной кровати полковник, да часовой, проходя мимо окна, мурлыкал заунывную тягучую песенку.

Переждав еще с час времени, Гришка тихо спустился на пол и, хоронясь в тени около стен, на коленях, опираясь руками, двинулся к двери комнаты полковника. Прислушался к ровному посапыванию спящего и продвинулся ближе к большому столу посредине.

Минуты две Гришка, затаясь, сидел прижавшись к ножке стола, а когда убедился, что полковник крепко спит, поднял одну руку и начал шарить по крышке стола; попалось что-то похожее на тетрадь, осторожно стащил и, свернув в трубку, потянулся опять, пальцы нащупали большой и твердый лист карты. От волненья дрожала рука и, делая неверные движения, дернулась вместе с захваченной картой книзу. Шорох, похожий на шумный вздох, показался настоящим громом. Пропал, — мелькнула мысль и, застыв на месте, Гришка зажмурился даже. Но попрежнему все было тихо, лишь часовой продолжал мурлыкать за окном.

От волнения дрожала рука.

Вот идол-то, подумал Гришка, не спит окаянный. Ну да уж, все равно, пропадать, так с музыкой, и пополз обратно к открытому окну кухни.

Бегство.

Васька, пожалуй, не сумеет рассказать, как он очутился под плетнем. Неясно помнит: вытянувшись на брюхе, полз по земле, обжигая руки и лицо о густую высокую крапиву, долго лежал, уткнувшись носом в прелый навоз, и ждал, когда пройдет часовой.

Два раза толкал его в бок Петька и заставлял еще плотнее притиснуться к земле. Когда же очутились далеко за кухней под прикрытием плетня, окружавшего огород, Петька заговорил:

— Ну и ну, думал, попадемся, а ловко мы этта.

Было прохладно, Васька продрог и, поеживаясь, ляскал зубами.

— Хоть бы Гришка скорей! Вот, как влопался! Куда мы тогда?

Петька тоже так думал, но бодрился и Ваську успокоить старался: не бойсь, он ловкач, не попадется...

Долго еще, согнувшись, сидели под плетнем, укрываясь в густой траве и лопухах, так долго, что и Петька уже стал отчаяваться, как вдруг за плетнем послышался слабый свист.

Петька ответил, и через минуту, ломая сухие прутья плетня, перелез Гришка и свалился, отдуваясь, рядом; в руках белело что-то свернутое в трубку.

— Фф-у!—пропыхтел Гришка,—упарился, все время на карачках полз.

— Это что у тебя?—указал Васька, на сверток.

— Планты. Теперь дуй, ребята, без останову.

Согнувшись в дугу, пошли между картофельных гряд. Миновали огороды.

— Так идем-то? Ты не сбился опять?—волновался Петька.

— На, вот. Вот они гумны-те, видишь?

В туманной полутьме летней ночи маячили стога соломы. Надо было пробежать через небольшую поляну.

Поднимался резкий порывистый ветер и в клочья рвал низкие облака, открывая большие окна кривобокой луне.

— Переждать надо,—остановился Гришка,—а то как раз часовому в лапы угодишь; темней бы, вишь, как месяц-то лупоглазит.

Приподнявшись, Гришка осматривался и выжидал, чтобы тень облаков укрыла поляну.

Постоявши немного, когда стало несколько темней, Гришка сделал знак, и все трое, что есть духу, побежали к разбросанным стогам. Где-то сбоку визгливо тявкнула собака и послышался резкий окрик: Стой, стой! За стогами кустарник, за кустарником лес. Ребята припустились сильней, ветер свистел, да тонкие ветви хлестали в лицо. Что-то щелкнуло, с визгом ударилось рядом, еще и еще. Бежавший Васька подскочил охнул, но не свалился и сильнее заработал ногами.

Ветвистые березы, ельник и сосны спрятали товарищей в серовато-густых потемках.

Часа два шли, не останавливаясь, а вверху, над лесом разбушевалась гроза и завывал на раз-

...Наши, наши!—завопил Петька.

ные лады разыгравшийся ветер, защелкал по листве крупный дождь. Беглецы остановились, усевшись под огромной корявой березой.

— Ух! Горит даже,—хрипло проговорил Васька и схватился за ногу на четверть выше колена.

— Ты что?—в один голос спросили Ваську товарищи,—ранили?

— Тут вот, рвет аж.

Гришка, ощупывая ногу, почувствовал под рукой что-то теплое и липкое.—Эх! кровь, ведь. Как же теперь, а? Дойдешь ли?

— Дойду,—промычал Васька, морщась от боли.

Ребята, поднявшись, хотели идти дальше, но в это время в нависших низко тучах заскакала яркая молния, с дребезгом загрохотал гром и дождь полил еще сильнее. В лесу охало, крякало, и от времени до времени раздавался треск сломанных бурей деревьев.

— Ах, черт-е задери,—ругался Гришка,—опять ждать придется, а главное планты размокнут.

Однако гроза продолжалась недолго, ветер уносил тучи и через час в трещинах облаков стали появляться светлые пятна зари.

Ага, попался косопузый!

Наступало утро.

— Ну, ты как, Вася? Дай-ка я тебе завяжу, ишь кровь-то идет все.

Стащил Гришка нижнюю рубашку с себя изодрал ее на ленты.

— Помоги Петька!—Положили на рану листьев березовых, кое-как перевязали, взяли Ваську под руки и двинулись дальше.

Долго ковыляли между сосен, хлюпая ногами в мокрой траве, и все время Васька вскрикивал, скрипел зубами и дергался.

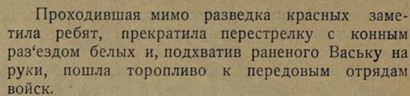
Вышли к реке, когда уже солнце зайчиками в просветах леса играло и яркими огоньками в каплях дождевых переливалось.

— Теперь близко ободряли ребята Ваську.

— Подержи-ка,—сунул Гришка сверток Петьке, — перебираться надо — и, взвалив на плечи Ваську, пошел камышами через реку.

Не прошли ребята пяти шагов, как на берегу послышался чмокающий топот лошадей и затрещали частые выстрелы с того и другого берега.

— Наши, наши! — радостно завопил Петька, и товарищи, напрягая последние силы, усталые и промокшие, бросились к недалекому берегу и скрылись в лесу.

Проходившая мимо разведка красных заметила ребят, прекратила перестрелку с конным раз‘ездом белых и, подхватив раненого Ваську на руки, пошла торопливо к передовым отрядам войск.

Запыхавшийся Гришка сбивчиво рассказывал о пережитых приключениях и совал старшему разведчику намокшие планты..

Красный воробей.

Ваську притащили в лазарет, он уже окончательно не мог двинуть ногой и беспрерывно стонал.

— Скверно,—сказал седобородый врач,— вот мы тебя подремонтируем немного, тогда спи—и велел Ваську на стол класть.

Не успел парень вытянуться, как следует, а уж доктор лицо каким-то полотенцем накрыл, и сразу полезло в нос что-то сладковатое и такое противное, даже тошно стало. Хотел было сорвать полотенце, вскочить и закричать: кара-аул, душат!—но только слабо и невнятно промычал, стол под ним закачался, полетел вниз, и Васька потерял сознание...

Очнулся от того, что муха окаянная одолела, гудит, хоть ты что хочешь: вжж-и-и, лазит по глазам, по щеке и щекочет. Ну, подожди ты! Собрался Васька с силой и губами: фрр! рукой по щеке—бац.

Кто-то засмеялся. Огляделся Васька—видит отец рядом на стуле посиживает и бородой трясет, смеется.

— Где же это я? Неужели дома?—обрадовался Васька. Хотел было приподняться, не может, слаб очень.

— Лежи уж, не рыпайся—заметил отец,—немного передохнешь, поговорим тогда.

А Ваське не терпится, очень уж хорошо: тятька рядом, выспался здорово, нога не болит, и солнышко в открытое окно теплом обливает.

Доктор подошел. — Ну, молодцы ребята,— говорит отцу,—благодаря им целую дивизию белых захватили, пленных ведут вон!

Глянул Васька в окно, по улице красноармейцы на конях с шашками наголо, в середине толпа офицеров в мундирах с золотыми погонами, впереди всех тот самый полковник, что нагайкой избить собирался. Приподнялся Васька на постели и крикнул, что было силы: Ага! попался, косопузый — и погрозил полковнику кулаком.

Дальше доктор говорить не дал, опять на подушку повалил и засмеялся: Ишь ты, задорный какой, настоящий воробей-красный...

НАША ЖИЗНЬ.

Гидроплан в гостях.

Лагерь. Все заняты своей работой. А работа такова: идет спешная подготовка к открытию нашего лагеря.

Но вот раздается жужжание — ж... ж... Головы ребят поднимаются кверху. Что такое? В чем дело? А часовой с вышки кричит:— Аэроплан! Аэроплан!

И верно: аэроплан пролетел над нашим лагерем, сбросив массу листовок. Все бросились за ними. Но вот все успокоилось, и ребята опять принялись за работу. Новость— гидроплан под'езжает к нам уже воде. Тут-то вот ребята удивились:—как так? аэроплан-то на воде? Вот так здорово!

Летчик слез с гидроплана, приветствовал наш лагерь, об'яснил устройство гидроплана, пообедал с нами, рассказал, как он путешествовал на своем гидроплане, прокатил кой-кого из нас и улетел в город.

А хорошее впечатление осталось у нас в лагере.

Звено „КОСТЕР" (4-й отряд гор. Рыбинска).

РАЗВЕДКА

Отряд у нас новый, и мы ни разу не были ни на разведке, ни в лагерях. Мы решили отправиться на разведку. Нас было 5 человек. Решили переночевать у вожатого Васи. В 4 часа утра нас разбудил очередной дежурный; вставать не хотелось, потому что ночью долго будили, но быстро вскочили, и взяв мешки, вышли на улицу. Свежий утренний ветерок быстро охватил нас и развеял сон. Мы бодро зашагали. По дороге мы решили убить галку, чтобы попробовать бывшее с нами ружье, и Вася, как заправский охотник, тихо подкрался к галке, приказав нам сидеть тихо.

Бах! — грянул выстрел, и от неожиданности мешок полетел на землю, в нем что-то треснуло, но мы не обратили внимания. И вот показался Вася, но без галки. Оказывается, промазал.

— Убьем еще,—успокаивает он нас.

Завернув в Кноповский лес, мы стали выбирать место для стоянки. Место выбрали хорошее. Натаскали хворосту, развели костер, Вася опять ушел бить галок. Не успел закипеть чай и спечься картошка—вернулся Вася с галкой. Быстро, общипав галку, мы положили ее варить. Пообедав, разделись, и трое пошли мыть посуду, двое—бить галок, а один дежурный остался в лагере. Мы условились свистеть в случае опасности.

Отдохнув, мы стали снимать топографический план местности и двинулись купаться, но только мы влезли в воду, как пошел дождь, как из ведра. Мы вылезли, оделись и сели под кустик. Раньше, правда, не мочило, но потом промокли до костей и только в 8 часов вечера пришли в Москву.

Разведчики: Катя Мандельштам и Ваня Жариков.

Ребяша! Как видно из заметки, разведка погубила много галок. Как по вашему, можно ли пионерам напрасно убивать птицу?

Редакция.

Наш отряд в деревне.

Приехав в лагерь, мы через два дня пошли в деревню за молоком, а также посмотреть, что здесь за деревня. Не успели мы войти в самую деревню, как услышали крики ребят, находящихся на улице: „Пионеры идут", „У, пионеры-безбожники". „царя продали",—выкрикнул какой то парнишка, и нам стало смешно на это замечание. А в другом конце деревни пели:

„Пионеры лодыри,
Царя, бога продали,
Денег накопили,
Галстухи купили"...

Выкрикивая слова этой песни, каждый мальчишка или девчонка старались кинуть в нас камнем, но мы, не обращая внимания, шли мимо них, а они, видя, что мы с ними связываться не будем, кончили преследовать нас.

Но вот однажды, мы, построившись всем отрядом со знаменем и барабаном, прошли через деревню. Почти все крестьяне, услышав звуки барабанного боя, вышли на улицу и, встав под окном своей избы, с удивлением смотрели на нас. А о ребятах и говорить нечего. Они, увидев нас, идущих организованным порядком, провожали нас далеко за деревню, все время интересуясь барабанщиком. После этого не-

которые ребята стали приходить к нам на полянку играть, а также и в лагерь, где читали нашу стенгазету и расспрашивали нас о том, как мы живем и что делаем.

Каждый день в хорошую погоду мы, оставив дежурных в лагере, отправлялись в деревню, где у каждой тройки пионеров был определенный двор, на котором они работали.

Сперва нам крестьяне не давали работать, говоря: „ну, что уж, какие работники, только мешать будут", но впоследствии, увидя наше старание, хвалили нас, и когда мы по отрядному делу не приходили, то они спрашивали:

— Что же вчера вы не приходили? Мы вас ждали, ждали. У нас работы много было, а вы не пришли.

Работая совместно с крестьянами, мы вели как бы пропаганду, спорили насчет Советской власти и о многом, волнующем крестьянина.

Когда мы собрались уезжать из лагеря, то крестьяне жалели, говоря, что мы уезжаем в самый разгар жатвы, им нужна помощь.

Так мы завоевали доверие крестьян в деревне и, сколько могли, помогли им в работе.

Клара.

У памятника старины.

Недавно наш отряд под предводительством руководителей отряда совершил прогулку на дольмен, который находится в окрестностях нашего города. (дольмен это каменный стол— памятник Кельтов *).

Дольмен стоит в шести верстах от Туапсе, в горах, немного в сторону от Майкопского шоссе, проложенного вдоль извивающейся горной речки Туапсинки. Он представляет из себя четыре громадных обтесанных монолита, прикрытых сверху таким-же громадным плоским камнем. Передняя сторона дольмена имеет лучшую обтеску и намеки на бывшие здесь ранее примитивные орнаменты, задняя сторона, почти прилегающая к горе, снабжена довольно правильными круглым отверстием, достаточным, чтобы пролезть внутрь дольмена человеку. Внутри дольмен совершенно пуст и сильно закопчен от раскладываемых здесь в ненастную погоду пастухами костров.

На плато горы выше сохранившегося дольмена имеются остатки еще нескольких уничтоженных варварским населением дольменов. Рассказывают, что они уничтожены по распоряжению строившего Майкопское шоссе инженера, приказавшего разбить их на щебень.

Отряд, осмотрев дольмен, занимался сбором насекомых для коллекции, на что ушел целый день. Юные ленинцы проявили большой интерес к этому памятнику седой старины и окружающей его дикой горной природе.

Отряд юных ленинцев „Красный водник".

Гор. Туапсе на Черном море.

ОТ РЕДАКЦИИ

Ребята! в каждом городе имеются какие-нибудь памятники старины. Интересовался ли им ваш отряд, производили ли вы экскурсии с целью изучения их? Если нет, то устройте и напишите свои впечатления в „Пионер".

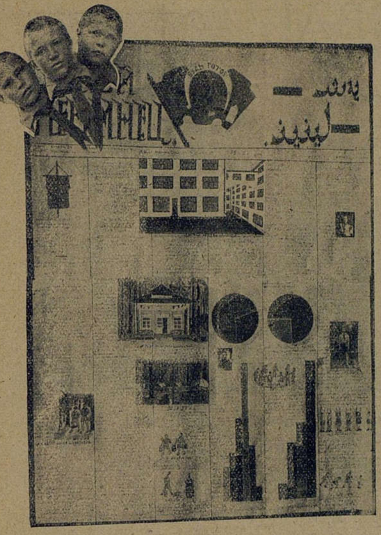
---

*) Кельты, это народ германского племени, живший в V веке.

ЗАНЯТНО!

Смотрят пьесу во время дет-недели. Владимиро-Ленинский район. (Москва)

Стенная газета 26-го отряда Замоскворецкого района. Наверху редколлегия газеты.

У татарских ребят.

Среди пионерских отрядов Замоскворечья (в Москве) имеется 26 татарский отряд. Он организован недавно, только в августе месяце 1923 года. Тем не менее им проделана большая работа. Он состоит из 4-х звеньев по 12—13 человек в каждом.

При отряде есть ряд комиссий: фондовая, санитарная, редколлегия, хозком и библиотечная.

Редколлегия издает газету под названием ,,Яш Лининче" (,,Юный Ленинец"). Она издала уже 24 номера газеты, с 2/IX—23г., газета выпускается 2 раза в месяц.

На каждое звено возлагаются, примерно, такие задачи, как систематическое устройство бесед на общественные темы и по другим вопросам.

Больше всего оживления и разнообразия в жизни отряда дает его летнее пребывание в лагере, связанное со многими экскурсиями, походами и т. д. Наиболее любопытной кажется роль отряда в революционизировании татарского детского дома и 27-й татарской школы. Роль тем более должна быть отмечена, что в названной школе, наряду с мещанскими детьми, есть и дети таких рабочих, которые до сего времени продолжают стоять в стороне от революции.

Пикор Фатых.

Еще один отряд ленинцев.

Далеко в Киргизских степях, в Акмолинской облас и, далеко от железной дороги есть курорт Боровое. Как водится везде,—ребят полно. Так и у нас. Бегали с палками, да с камнями в руках за собаками, учились курить да хулиганить. Некоторые ребята нашли в Комсомоле изорванный до неузнаваемости журнал ,,ПИОНЕР", прочитали и другим рассказали.

Стали подумывать, как бы и нам организовать отряд. Так и порешили—организовать отряд.

Комсомол с радостью приветствовал. Выделил нам руководителя,—ну, и давай ребята готовиться ко дню принятия шефства Комсомолом над нами.

Вот день наступил. С площадки мы в строю двинулись к клубу с песнями, а здесь нас встречали уж представители всяких организаций.

Дали торжественное обещание, и особенно—не забыть следующего: когда товарищ от месткома заявил, что Надежда Константиновна сказала, что тот еще не пионер, что носит красный галстух, а тот пионер, что проводит в жизнь заветы деда Ильича—мы отвечали: ,,Всегда готовы"! И действительно, все принялись, как один, за работу. Кто к выставке готовится, кто статью пишет, а иные репетируют пьесу. Кто раньше курил—теперь бросил.

В проведенную кампанию МОПР'а с 18 по 25/VIII мы тоже не отстали. Несмотря на то, что отряд существует две недели, мы поставили спектакль и собрали в пользу МОПР'а 40 рублей, помня, что на Западе ребята—дети революционеров, сидящих в тюрьмах, сидят голодные.

На лозунг МОПР'а—,,не забывайте нас",—мы сказали:

— Не забудем. Всегда готовы!

Пикор Тая Леонова.

Юки Армении.

В Армении организации юных коммунаров имеются не только в городах, но также и в 84 селах.

Количество ЮК'ов с 4500 поднялось до 9000.

Раньше мы назывались просто юными коммунарами, потом—организацией юных коммунаров имени Ленина. Руководящие органы переименованы в советы, взамен штабов.

Из заграничных армянских колоний (Бейрута, Энзели и др.) поступили в центральный Юкский совет Армении обращения с просьбой о высылке литературы и с выражением желания вступить в ряды юк'ов Армении.

Баку. А. Журбенко.

Бюро кружка пикоров журнала „Пионер".
(Сибирь. Судженские копи).

ПРОШУ СЛОВА!

Как работать в деревне?

Часто, во время встреч с деревенскими ребятами, тебе задают вопросы, как надо вести работу в деревне, чем надо заниматься и т. д. Все это спрашивают там, где нет опытных работников. А опытных работников, нам всем известно, что у нас очень и очень мало. Поэтому, я думаю, чтобы наши пионерские отряды появлялись как можно чаще в деревне, и чтобы они были не только на словах, но и на деле,—надо будет взяться за эту работу городским отрядам путем прикрепления к себе деревенского отряда, с которым вести работу. В нашем журнале „ПИОНЕР" не мешало бы устроить отдел—„Как работать в деревне", в котором давать указания, как работать деревенским и городским отрядам.

Прошу всех ребят обсудить эти вопросы и высказать свои мнения.

Арков.
Ив.-Вознесенск. Детколония.

Это не годится.

У нас в городе Рыбинске и его уезде насчитывается 28 отрядов; половина деревенских.

Сейчас работа идет исправно, только вот 3-й отряд отстает: 1) Вместо вожатых появились начальники, которые в пионерорганизациях не нужны.

2) В клубе помещаются около $1^1/_2$ года, а не могут устроить открытия.

3) Отлынивают от общественных работ. Сейчас идет уездная выставка, в нее втянуты все отряды, а конаевский отказался. Почему—неизвестно.

4) Руководители дерутся, несмотря на то, что являются членами Р. Л. К. С. М.

Подтянись Конаевский отряд! Устрани свои недостатки!

Пионеры зв. „Костер" гор. Рыбинска: **Симонов, Ким, Мельников, Денисов, Фигурнов, Кошалов, Соболева, Мазетова, Кошеткова, Киселев и Кардыщевин.**

Мое мнение о „Пионере".

Журнал „Пионер" всесторонне освещает пионерскую жизнь. Мне этот журнал нравится для развлечения и ознакомления с разными новостями.

Собрание звена „соколят" 1-го отряда Казани.

Недостаток тот, что ребята все пишут, большей частью, о жизни отряда, или целого даже района. Ребята, пишите в „Пионер" об одиночной пионер-жизни, то есть, как вы проводите время дома и в школе, приносите ли вы какую нибудь пользу.

В журнале очень мало уделено места отделу „Мастер на все руки". Наш отряд просит больше писать об изготовлении радио-приемников для пионерского радио-кружка.

В журнал ребята должны писать обо всем, не боясь.

Пионер **Павлинов.**
Наро-Фоминский отряд (Московск. губ.)

Ребята, подтянитесь.

У нас в отряде издается стенгазета.

1-й, 2-ой и 3-й номера вышли как следует, а в 4-й номер материал давать ребята заленились.

Пикоры обращаются к пионерам, чтобы они писали в газету, а те отвечают: „на то вы пикоры, чтобы писать в газету".

Ребята, посудите сами, правильно ли пионеры ответили. Конечно, нет. Если сами пионеры не будут принимать активного участия в газете, то у них не может быть газеты.

Пикор **Я. Черкасский.**
17-ый отряд Замрайона. Москва.

Долой курение!

Вожатый курит.

У нас был совет лагеря, где присутствовали вожатые и пионеры.

Один из вожатых 8-го отряда вынимает пачку папирос и закуривает.

Почему вожатые подают пример пионерам, т.-е. курят сами?

Звено Металлист им. Троцкого 29 Отряда, Замоскворецкого Района

ОТ РЕДАКЦИИ. Многие вожатые и пионеры, забывая о пионерских обычаях, — курят. Необходимо с этим поступком бороться. Редакция „Пионера" предлагает всем вожатым и пионерам черз журнал повести дружную кампанию за отучивание наших товарищей пионеров и комсомольцев от курения, которое, кроме вреда для здоровья, ничего не дает

МЫ НОВЫЙ БЫТ ПОСТРОИМ!

Суд.

Трещат сухие дрова и горят ярким пламенем в маленькой железной печке, ярко освещая вагон. Около печки кругом расположились дети, а в середине отец. Весело идет разговор. Речь зашла о боге. Матери не было, она ушла, и говорить „за“ было некому.

— Давайте, устроим суд над иконами,—предложил Вася.

— Давайте, давайте,—закричали остальные.

— А где они лежат?—спросил отец.

— В корзине.

Достали и разложили на столе—целых три штуки.

Выбрали президиум, и суд начался. Перед всеми ясно стояло: „это ненужные вещи“, и все предлагали их сжечь.

Отец же предложил совсем другое:

— Футляры отдать ребятам для сбора в них коллекций, позолоченные рамки оставить для карточек, а изображение, как никуда негодную вещь, напоминающую о старом быте,—сжечь.

Постановление приводит в исполнение герой сегодняшнего дня—Вася.

Затрещали сухие дощечки и потекла с них краска, смешанная со смолой, а свет пламени осветил весь вагон. Вот как новый быт охватывает все более и более рабочих и крестьян.

Загудел паровоз, и поезд тронулся. Мы поехали со станции Кужга в Читу. Пламя медленно вспыхивало, и в промежутке между вспышками вижу: стоит около меня Вася и шепчет:—Витя, напиши в „Пионер“ об этом дне. Я бы сам написал, да так хорошо не могу... Напиши...

Я просьбу его исполнил.

Пионер Виктор Зимин.

Пионеры:
крепите связь с
„Пионером“.

Кружок нового быта.

Прочитав статейку в журнале „Вожатый“ о новом быте, мы захотели, чтобы при нашей организации юных Ленинцев был кружок нового быта. Мы стали высказывать свое мнение. Одни говорят, что нам кружок нужен, потому что мы, юные ленинцы, когда вырастем, тогда будем коммунистами, чтобы быть настоящими коммунистами, нужно жить и бороться за новый быт. Решили организовать кружок. В него сразу вступило много ребят, кружок стал работать. В первый момент нашей работы мы сбросили с себя имена поповской выдумки, а стали звать юных ленинцев именами революционного периода. Юные ленинцы стали работать сообща и коллективно и повели борьбу с теми родителями, которые бьют своих детей; ленинцы им дали совет, как нужно повлиять на детей и без побоев. Даешь новый быт!

Саламатин Николай (Сибирь).

Пионеры на параде в МЮД г. Рязань.

Смерть товарища

26-го Июня в Чердынском Отряде „Юных Пионеров“ (В. Камский Округ) скончался пионер Леня Южанинов. Перед смертью он подозвал к себе своего отца и попросил его, чтобы тело предоставили отряду юных пионеров для похорон.

Все пионеры, члены Комсомола и партии с пением похоронного марша направились к дому маленького революционера Лени. Там одели на него красный галстук и значек пионера, направившись затем к месту погребения. У могилы представители Райкома Р. К. П. (б), Райкомола и пионеров горячо произнесли прощальные надгробные слова красному пионеру-ленинцу, зная, что Леня Южанинов одним из первых вступил в Отряд.

При спуске тела в могилу все пели похоронный марш. Пионеры отдали своему товарищу прощальный салют, скорбя об утрате.

Пионер Чердынского Отряда Шура Валежнев.

Без попов.

Посреди улицы двигается стройная колонна юных пионеров со знаменем, плакатами и песнями. Это наш коллектив хоронит сына коммунара. Прохожие останавливаются и удивляются, что за странные похороны, почему не пригласили священника. Но слова нашей песни отвечают им: „Нам не нужно попов и религии дурман, все росказни попов—это грязный обман“.

Пришли на кладбище. Пионеры, дети и толпа посторонних окружили могилу. Все стихло.

Выступало много наших пионеров. В заключение шестилетняя девочка с детплощадки сказала умершему ребенку: „Мы тебя хороним без попов, но детским коллективом“.

Так впервые за время своего существования, кладбище услышало братские слова: „Долой старый быт, да здравствует новый“. Мы, пионеры, построим этот новый быт.

г. Кривой Рог. Юнкор Рабинович

Н. Каринцев.

Свен Гедин в зимней одежде.

В ПЕСКАХ АЗИИ.

Путешествие Свен Гедина.

Советскую Россию недавно посетил, на обратном пути из своего последнего путешествия по Азии, знаменитый шведский путешественник Свен Гедин.

Ему почти 60 лет, но он так же неутомим в своих исследованиях неизвестных земель, как и тогда, когда ему было всего лишь 25 лет.

Он первый среди блестящей плеяды путешественников, между которыми не последнее место занимают и русские исследователи Козлов, Пржевальский и Обручев, открыл науке и человечеству тайну великих песков Азии, простирающуюся от моря до моря по всей центральной части великого материка.

В этих великих песках Свен Гедин провел многие годы своей жизни.

Он родился в 1865 году в Стокгольме, столице Швеции. Уже в детстве он мечтал о том, чтобы стать равным Стенли и Ливингстону, двум величайшим английским путешественникам, исследовавшим Африку. И во всех этих путешествиях всегда первый шаг его был по России.

С пустым кошельком, но с большим запасом энергии и воли, С. Гедин, в сопровождении одного только погонщика, прошел всю Персию с севера на юг, видел Тегеран и Испагань, Шираз и Персидский залив.

В это же путешествие, как и в последующие, Гедин великолепно изучил целый ряд азиатских наречий, что впоследствии ему очень помогло в исследованиях; в совершенстве овладел он также и русским языком.

В 1893 году Свен Гедин оставляет снова Швецию, и в ноябре он уже в Оренбурге, где в то время кончалась железная дорога*).

Отсюда дальнейший путь до Ташкента, т.-е. почти 2000 верст по пустынным степям, он совершает в течение 19 дней без отдыха, на лошадях, в простом тарантасе.

После небольшого отдыха в Ташкенте, Свен Гедин предпринимает восхождение на огромное снеговое плоскогорье Памир, известное под именем „Крыши мира".

На этот раз его сопровождало незначительное количество людей и одиннадцать лошадей. Но уже первый переход, на высоте 3.500 метров (3,1 версты), показал исследователю, что ему придется вести громадную борьбу со всеми трудностями и опасностями: головокружительные тропинки, ужасные пропасти окружали его со всех сторон; лошади ежеминутно срывались и большая часть из них вместе с поклажей на веки исчезла в зияющих безднах; движущиеся лавины грозили стереть путешественников с лица земли; горные болезни, страшный холод уморили половину людей. С большими трудностями Свен Гедин пробрался на ледяное озеро Кара-Куль. После трехнедельного отдыха на пограничном русском посту Памирском, он через ущелье, расположенное на высоте 4.730 метров, проник на территорию Китая.

Свен Гедину во что бы то ни стало хотелось взобраться на гигантскую вершину Муд-так-аты, находящуюся на высоте 7.800 метров (7 верст). Об этом тяжелом восхождении так пишет С. Гедин:

„Начиная с 5.100 метров, разрежение воздуха причиняло страшный вред каравану. Три киргиза, которые имели неосторожность покинуть своих яков*) и решили взбираться пешком, погибли вследствие нестерпимых головных болей. Два других товарища по восхождению испытывали ужасные муки, но все же еще держались. Сам я, оставаясь неподвижным, не чувствовал никакой боли, но при малейшем движении те же боли охватывали и меня. Стоило мне только сойти с моего яка или же сесть на него, как я начинал испытывать сильнейшее головокружение, доводящее подчас до потери сознания".

На высоте 6.300 метров караван принужден был сделать остановку. Животные и люди страдали от нестерпимой жажды. Попытки взобраться выше потерпели неудачу. Головные боли, шум в ушах, чувства удушья час от часу становились все более невыносимыми, отвращение к пище стало почти непреодолимым.

Несмотря на величественную и редкую по красоте картину, которая открывалась перед глазами путешественников, Гедин должен был отступить. На обратном пути, он изучил детально озеро Кара-Куль и чуть было не утонул в раз'яренных волнах этого вероломного озера.

Зиму Гедин провел в Кашгаре.

С февраля 1895 года, как только показались первые признаки весны, он вновь предпринимает целый ряд исследований. Одно путешествие сменяется другим, открывая Свену Гедину все новые области.

В январе 1896 года неутомимый путешественник снова вступил в страшную пустыню, знойную летом, обледеневшую зимой.

*) Теперь дорога проходит до самого Ташкента.

*) Горные быки.

В этом краю безмолвия и смерти не на что было надеяться: все, что необходимо для пропитания и передвижения, нужно было иметь с собой, иначе пустыня легко могла превратиться в могилу. И печальная слава ее оправдалась: из 56 животных, которые следовали за Гедином, конца пустыни достигли лишь 3 лошади, 3 верблюда и 1 осел.

В этом, забытом людьми краю, в половине августа уже царствует суровая зима. Беспрестанные ураганы, несущие с собой то град, то снег; вершины и ущелья более высокие и недостижимые, чем вершины и ущелья Монблана; почва, усеянная острыми, срывающимися из-под ног и увлекающими за собой, камнями; ледяные озера посреди необозримых, бесконечных бассейнов— такова та пустыня, которую Свен Гедин пересек в течение 55 дней с запада на восток, чтобы встать, наконец, перед лицом Монголии у входа в пустыню Тцайдам, выжженную солнцем и еще более страшную, чем та, которую он только что оставил.

С караваном, значительно уменьшенном, Свен Гедин достиг громадного голубого озера — Куку-Нор,—этого внутреннего моря Центральной Азии, смягчающего ее климат и делающего возможным заселение его берегов и громадных степей.

Ноябрь месяц тем временем наступил. Свен Гедину оставалось сделать не более полуторы тысячи километров до столицы Китая — Пекина. И, несмотря на наступившие холода (мороз часто достигал 33°), он 2 марта 1897 г. вступил в одну из древнейших столиц мира. Таким образом, все его путешествие от одного конца Азии до другого продолжалось около трех лет или, точнее, тысяча и один день.

И, когда по приезде в Стокгольм, Свен Гедин выпустил в свет первый том книги „В песках Азии“, — имя Свен Гедина стало известно во всех уголках мира.

24-го июня 1899 года исследователь снова покидает Стокгольм и через Петербург и Закаспийскую область, меньше чем в три недели, прибывает к порогу Памира.

Но теперь его непреодолимо влечет к себе сам Тибет, и особенно его странный и загадочный город, Лхасса, в который запрещено вступать даже самому могущественному европейцу.

И как бы сама грозная природа освящает этот запрет: Лхасса расположена на высоте 5.000 метров, под прикрытием диких, неприступных скал.

Второе исследование Тибета, на половину неудавшееся, продолжалось не более не менее, как три года и три дня. И в течение этого времени чего только не пришлось увидеть и пережить Свен Гедину.

Однажды, для того, чтобы спуститься по течению Тарима, Свен Гедин приказал построить баржу, длиною в 12 метр. и шириною $2^1/_2$ метра. Впереди была установлена маленькая платформа с натянутым над ней тентом; эта платформа была в одно и то же время и пунктом наблюдения для Свен Гедина, его рабочим кабинетом и спальной комнатой. Сидя за столиком, он видел постепенно развертывающиеся перед ним берега и заносил их немедленно на бумагу, приготовляя таким образом точную карту своего путешествия. Посреди баржи была устроена маленькая темная комната, служащая для фотографирования. В конце баржи находились склады пищи и кухня.

И вот построенная баржа—в пути. Вся она представляет живописный вид: на ней перемеша-

Пустыня легко могла превратится в могилу.

лись в одной куче люди, собаки, бараны, курицы вместе с мешками муки и риса на фоне белья, развешенного по всей барже, и зеркальной глади реки. Над всем этим поднимаются густые клубы дыма от примитивной кухни, и вся баржа имеет вид уютного, спокойного дома на реке. Все заняты какими-либо работами: одни пекут хлеб, другие стирают, третьи чинят свои вещи или же фабрикуют какую-нибудь утварь... Когда разговоры наскучат, затягивается хоровая песня, и ее звуки, столь чуждые этим берегам, наполняют собой спокойный воздух ночи и торжественно и тихо замирают вдали...

„Подружились“.

Двое негритянских ребят в Африке подружились с маленьким крокодилом. Как видно, живут дружно.

Но,кончено приятное путешествие по реке караван снова в песках. Стены дюн достигают высоты 100 метров. Под'ем совершается с неописуемыми трудностями. Песок сыплется при малейшем надавливании, и чтобы верблюды не скатывались вниз, надо было местами прокладывать для них тропинку. Мороз сопровождается страшным бураном; люди замерзают на месте, на расстоянии шага впереди себя ничего не видно, так как воздух наполнен миллиардами частиц песку. Ими приходится дышать, их приходится глотать, они проникают всюду.

Люди, наконец, под влиянием стихий теряют всякую бодрость; им кажется, что еще немного, и раз'яренный самум поглотит их всех... И при таких условиях наступает ночь. Собственно, это даже не ночь, ибо всего только 3 часа пополудни, но небо абсолютно черно, вокруг полная темнота. Сильные порывы ветра подымают тучи пыли такой густой, что кажется, будто идешь в густых клубах дыма.

Тибетцы всячески препятствовали Гедину в его исследовании.

Но еще более препятствовала природа. Особенно мучительно было отсутствие воды.

В Тибете караван подвигается вперед с великим трудом.

Наконец, дорогу преграждают тибетцы, которые грозят уничтожить безумцев, намеревающихся проникнуть в священный город Лхасса.

Тибетцы потребовали, чтобы дерзкий европеец немедленно шел обратно, откуда он пришел. Но Свен Гедин убеждал их, что исповедует такую религию, которая под страхом больших бед и несчастий запрещает человеку итти по пройденному пути. Тибетцы выразили удивление по поводу такой странной религии, но все-таки, благодаря этой уловке, и, главное, своей настойчивости, Свен Гедину удалось продолжать работы в Тибете.

Вернувшись после второго путешествия в Европу, Свен Гедин оставался в ней на этот раз целых пять лет.

Наконец, желая во что бы то ни стало увидеть „священные“ места, Свен Гедин снова уехал в Азию. Чтобы обмануть крайне подозрительные тибетские власти, он притворился, что едет в Туркестан. И, находясь уже в этой области, в ее необозримых пустынях, он внезапно изменил дорогу и направился на восток, в самое сердце Тибета.

Снова пустыня, борьба со стихиями на невероятных высотах при 38-градусном морозе, снова необходимость заметать свои следы и вместо востока итти на запад, вместо севера на юг—и все это для того, чтобы попасть в запрещенный город.

Наконец, Гедин вознагражден: он попадает в „священную“ область. Губернатор Семоку в гневе спрашивает его, как он осмелился вступить туда, куда вход ему был запрещен? И Свен Гедин вежливо отвечает:

— Я слишком вас люблю и не мог пройти мимо, не повидав вас.

Но его тянет еще дальше, к озеру Манасару Бару. Он притворяется покорным, отделяется от своего каравана и в качестве просто пилигрима направляется туда, к этому удивительному озеру, в голубых волнах которого плавают тысячи лебедей, к озеру, окруженному высочайшими в мире горами, вершины которых никогда не теряют своих снегов.

Чтобы лучше обмануть бдительность тибетцев, Гедин превращается в пастуха и доходит до того, что два раза в день обмазывает свое лицо и руки слоем липкой черной грязи, чтобы более походить на туземных жителей.

После третьего путешествия неутомимый Гедин вернулся в Европу через Японию.

Н. Булатов.

КАК САМОМУ УСТРОИТЬ РАДИОПРИЕМНИК

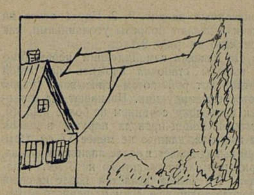

Рис. 1

Приемную радио-станцию, т.-е. станцию, посредством которой можно только принимать радио-сигналы и слушать радио-концерты, каждый может сделать сам. Радиоприемник настолько прост, что его легко сделать без особых инструментов и без особых затрат.

У нас в Москве в большинстве пионерских отрядов и во многих школах ребята устроили такие самодельные приемники. Ежедневно в 14 час 40 мин. слушают они передаваемые с радио-станции имени Коминтерна телеграммы Роста, бюллетень погоды; в 19 ч. 15 м. - вечернюю Росту и по воскресениям в 18 ч. 30 м.— радиоконцерты.

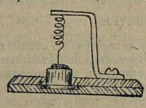

Рис. 2

Для получения разрешения на установку радиоприемника надо подать заявление в ближайшее почтово-телеграфное отделение.

Радиоприемники делаются различных видов, более сложные расчитанные для приема дальних станций и менее сложные, простые для работы на небольших расстояниях.

Я опишу здесь устройство двух несложных радиоприемников, проверенных на опыте. Первый из этих радиоприемников мы устраивали с ребятами в Москве. Слышимость была очень хорошая, как в самой Москве, так и за несколько десятков верст от Москвы. Устройство второго радиоприемника заимствовано из журнала „Техника связи" (ст. Кипаева). Этот радиоприемник принимал в г. Ардатове Симб. губ. радиотелеграммы Московской и Казанской станций.

Антенна. Радиосигналы, посылаемые какой либо передающей станцией, улавливаются так называемой **антенной** приемной станции. Антенна представляет собой несколько длинных медных проволок, натянутых высоко над землей. Для наших радиоприемников проволоку можно взять старую медную телеграфную или же купить медной голой (без обмотки) проволоки, хотя бы такой толщины, которая употребляется для проводки электрических звонков. Натягивают одну или лучше две проволоки (два луча) на расстоянии 1—1½ метра друг от друга на высоте метров 20 над землей. Длина лучей делается от 50—100 метров.

Антенна соединяется особой проволокой (вводом) с радиоприемником. Лучи антенны натягиваются на специальных мачтах или между домами, между домом и деревом (рис. 1). Необходимо соблюдать, чтобы лучи антенны и ввод были уединены (изолированы) от земли, не соприкасались бы с крышей, деревьями. Проволоки антенны прикрепляются к рейкам и мачтам посредством роликов, чтобы не было непосредственного соединения. Как это сделать—показано на рис. 2. Проволока привязывается к ролику, а ролик бечевкой к мачте. Можно сделать цепочку из 2—3 роликов, чтобы получить двойную или тройную изоляцию.

В городе можно и не делать воздушной антенны, а воспользоваться в место нее проводами электрического освещения. Присоединять надо лишь к **одному** проводу штепселя.

Детектор—представляет собой станочек (рис. 3), в котором тонкая стальная проволочка (напр. струна), свернутая спиралью, упирается в кусочек свинцового блеска, минерал, который можно найти в любой школьной коллекции. Но лучше свинцовый блеск сделать самому.

Для этого нужно взять кусок свинца (от свинцовой трубки кабеля), отскоблить хорошенько и напилить свинцовых опилок крупным драчевым напильником. 20 грамм таких опилок смешать с 5 гр. серного цвета (порошок, который можно купить в любой москательной лавке или аптеке). Смесь надо насыпать в стеклянную пробирку и нагревать на примусе. Сначала нагревают слабо, чтобы расплывалась сера, потом накаливают смесь докрасна. После чего дают остыть, разбивают пробирку и вынимают блестящий кристалл свинцового блеска.

Рис. 3

Свинцовый блеск плотно вделывается в медную чашечку. Такую чашечку можно сделать из гильзы револьверного патрона. Верхняя часть гильзы отпиливается. Свинцовый блеск лучше всего впаять в гильзу, для этого в нее наливают расплавленное олово, и пока оно не застыло, кладут кристалл. Основанием станочка служат две дощечки из фанеры. В верхней дощечке прорезается отверстие для гильзы. Гильза укрепляется неподвижно. Стойка делается из толстой проволоки или медной пластинки.

Самоиндукция. Для устройства самоиндукции берут 80—100 метров медной изолированной проволоки, приблизительно вдвое тоньше звонковой, и навивают на катушку, которая делается так: из фанеры вырезаются два квадрата с длинной стороны в 10 см. Эти две дощечки приклеиваются к деревянному колесику толщиною в 2 см. и диаметром в 4 см. (рис. 4). На верхней стороне катушки чертится окружность, на которой просверливается на равном расстоянии друг от друга 12 отверстий. Рядом с отверстиями вбивают не до конца медные обойные гвоздики с широкой шляпкой. Эти гвоздики будут служить контактами. Приблизительно через каждые 8—9 метров делается вывод. Для этого сквозь отверстие в дощечке просовывается петля проволочки (разрезать не следует), оголяется от обмотки и присоединяется к гвоздику; после этого гвоздь вколачивается вплотную. Последний конец проволочки прикрепляется к 12-му контакту. Наматывать надо все время в одну сторону.

В середине дощечки, посредством винтика прикрепляется полоска из меди или жести; это—подвижной контакт. Он должен быть такой длины, чтобы мог касаться шляпок гвоздей. Касаться он должен плотно, нажимая на шляпку гвоздя.

Конденсаторы. Их делают два. Из свинцовой бумаги—станиоля (обертка от чая, шоколада)—надо нарезать 6 штук разных листочков, размером 4x10 см. Затем нарезать из плотной папиросной бумаги или тонкой писчей—7 листочков размером 4.1/2 x 9.1/2 см. и каждый листок пропитать горячим парафином. Листочки можно нарезать и из провощеной компрессной бумаги.

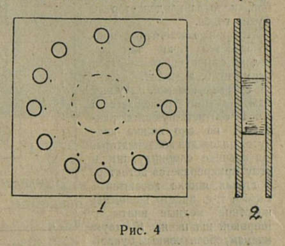

Рис. 4

Когда листочки станиоля и бумаги нарезаны, приступают к сборке конденсатора. Берется один парафинированный листок бумаги и на него кладется посредине листок станиоля. Один край этого листка на 1/2 см. выходит наружу (рис. 5). Станиоль покрывают листком парафинированной бумаги, на которую опять кладут 2-й лист станиоля, но край этого станиоля выходит на 1/2 см. наружу уже с противоположной стороны. Так укладываются все станиолевые листки, переложенные парафинированной бумагой, причем края всех четных листков станиоля будут выходить наружу с одной стороны, а нечетных—с другой. Листки станиоля соединяются между собой выпущенными краями, но нигде не должны соединяться между собой нечетные с четными листками.

Сверху и снизу собранного конденсатора накладываются два листка картона таких же размеров, как и парафинированная бумага. Все четные листки станиоля загибаются, также и нечетные—с другой стороны конденсатора.

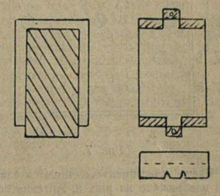

Рис. 5 и 6

После этого вырезают из меди или толстой жести две полоски длиною в 4.1/2 см., а шириною —2 см. В середине полосок с одного края делаются надрезы (рис. 6). Полоски сгибаются вдоль и ими плотно зажимают конденсатор. Надрезанные части зажимов отгибаются и в них пробиваются дырочки для прикрепления проволоки. Таким образом, один зажим будет соединен с четными листками станиоля, а другой—с нечетными. Очень важно при сборке следить за тем, чтобы на парафинированную бумагу не попали соринки, иначе при сборке конденсатора, сжимая листки, соринки продавят бумагу, листки станиоля могут соединиться между собой, и тогда конденсатор не будет годен.

Второй конденсатор приготовляется точно так же, только станиолевых листков берут не 6, а 12 шт.

Сборка приемника. Катушку самоиндукции помещают в ящик соответствующих размеров, на дно ящика кладутся рядом два конденсатора. На крышке самоиндукции в углу прикрепляется детектор. В стенах ящика делаются 4 клемы, т.-е. просто ввинчены короткие медные винты с широкой шляпкой. К двум клемам, обозначенным буквой Т, присоединяется обыкновенная телефонная трубка (без микрофона), к клеме А—присоединяется антенна, а к клеме З—земля.

На рис. 7 изображен вид приемника сверху. Пунктиром обозначены конденсаторы и катушка самоиндукции. В левом верхнем углу—детектор.

Соединить с землею или „заземлить" можно таким образом: присоединить провод к водопроводному крану или к водяному отоплению. В месте соединения—трубу надо зачистить. Если же нельзя так сделать, то заземляют, опуская в колодезь лист жести с присоединенной к нему проволокой, или зарывают такой лист на глубину 1 метра в сырую землю, или забивают в землю отрезок водопроводной трубы длиной в 1 метр.

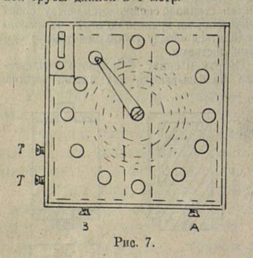

Рис. 7.

Части приемника соединяются так, как это изображено на рис. 8. Антенна соединяется с одним зажимом 1-го конденсатора (меньшего). Второй зажим этого конденсатора соединяется с подвижным контактом самоиндукции. Конец самоиндукции (12-й контакт) присоединяется к земле. Начальный конец самоиндукции (1-й контакт) соединяется с детектором, напр. с гильзой (можно и к стойке), а стойка соединяется с зажимом 2-го конденсатора; другой зажим этого конденсатора соединяется с землей. Телефонные клемы соединяются с зажимами 2-го конденсатора.

Настройка приемника. Соединив клемы с антенной, землей и присоединив телефонную трубку, ставят подвижной рычажок самоиндукции, примерно на 8-й или 9-й контакт и регулируют

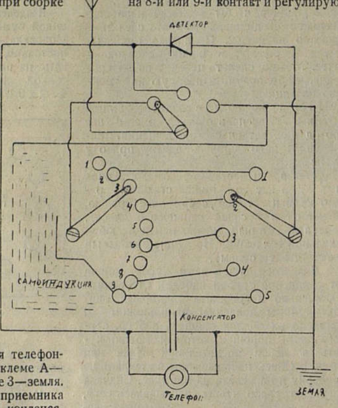

Рис. 10.

стальную пружинку детектора, не отнимая телефона от уха. Пружинку переставляют в разные точки свинцового блеска, пока не будут отчетливо слышны радиосигналы. Найдя такую слышимую точку, снова передвигают рычажок самоиндукции, достигая наибольшей слышимости.

Если ничего не слышно, то это значит, что не работает передающая станция или что-либо неисправно в приемнике.

При включении приемника не в провода электрического освещения, а в воздушную антенну, обыкновенно слышен легкий треск в телефоне. Это разряды атмосферного электричества.

Во время грозы опасно пользоваться приемником. Провод, идущий от антенны, должен быть всегда соединен с землей, когда не происходит работа приемника.

Приемник другого типа. Этот приемник отличается от 1-го тем, что по другому устроена самоиндукция и по другой схеме соединяются части приемника. Кроме того, вместо двух, употребляется только один конденсатор.

Весь приемник помещается в ящичке из фанеры, размером 14 x 9. 1|2 x 2.1|2 см. Самоиндукция навивается на особом станочке—катушке, с которого потом снимается и помещается на дне ящичка. Для устройства станочка вырезается продолговатая дощечка 6 милим. толщиною с слегка закругленными краями, размером 25x12 мм. (рис. 9, 1). Из фанеры вырезаются две щечки, размером равные длине и ширине ящика приемника. Щечки прикрепляются винтиками к средней дощечке (1) так, чтобы получился вид сбоку, показанный на рис. 9, 2. После этого на щечках делают прорезы угольниками, как показано на рис. 9,3.

До навивки самоиндукции необходимо в вырезы станочка вложить по одной нитке, которой потом связывают узлом моток самоиндукции. Навивают на станочек проволоку сечением не более 0,45 мм, оставляя конец провода наружу в одном из вырезов, длиною не менее 17 см. Первый вывод делается после навивки провода, приблизительно толщиною на 3 мм. от начала, 2-й вывод делается после навивки провода толщиною 4 мм. от первого мотка, 3-й вывод делается на 3 мм. от второго и т. д. до 8-го конца. Девятый моток можно навить от 8-го на 5—6 мм. Мотки навиваются все в одну сторону, возможно туго, выводы не разрезаются, а выставляются в прорезах щечек станка, длинной петлей (в 17 см).

По окончании навивки самоиндукция связывается нитками и снимается со станочка, выводы присоединяются к контактам на крышке ящичка. Всего будет 10 концов. Начальный конец присоединяется к 9-му контакту, как показано на схеме (рис. 10), а последний конец соединяется прямо с землей.

От контактов самоиндукции делаются ответвления к пяти контактам 2-го регулятора следующим порядком: от 2-го контакта самоиндукции к 1-му контакту второго регулятора, от 4-го ко 2-му, от 6-го к 3-му, от 8-го к 4-му и от 9-го к 5-му.

Конденсатор делается из 12 листков станиоля, размером 5x2 см. Собирается конденсатор так же, как и в первом приемнике.

Кроме того, делается переключатель с 3-мя контактами (см. рис. 10). Ставя рычажок на контакт 1-й, получаем обыкновенную схему приемника, на 2-й—получается иная схема. Работать можно, как на одной, так и на другой схеме. Рычажок, поставленный на 3-й контакт, заземляет антенну.

Части приемника соединяются между собой так, как показано на схеме (рис. 10).

Антенна присоединяется к рычажку переключателя, 2-й контакт переключателя присоединяется к гильзе детектора, 3-й контакт соединяется с землей. Подвижной контакт самоиндукции соединяется с 1-м

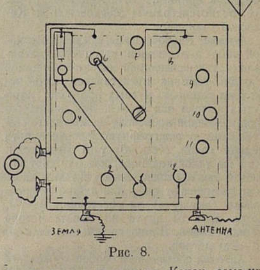

Рис. 8.

контактом переключателя. Конец самоиндукции соединяется с землей. Подвижной контакт 2-го регулятора соединяется со стойкой детектора. Один зажим конденсатора присоединяется к гильзе детектора, другой к земле. Телефон присоединяется к зажимам конденсатора.

ПИОНЕРЫ НЕ ОТСТАЛИ.

(Ленинградское наводнение).

В 4 часа затрещал телефон, вызывающий всех нас принять участие в борьбе с наступающим наводнением... Организовали боевую дружину и вышли на улицу; вдруг тишину потряс пушечный выстрел: „ууух!“ Через несколько минут еще и еще... По Неве ходили мрачные, мутные волны, захлестывая каменные берега. „Прибывает, водица-то“, заметил кто-то.

Публика с любопытством смотрит. вдруг порыв ветра, с шумом рухнул телеграфный столб, шарахнулся народ, а из ближайшего переулка хлынул поток грязной воды, моментально соединился с разливающейся „Невкой“ и с угрожающим ревом кинулся по улице, гоня перед собой испуганных зрителей...

Как игрушки, вышвырнуты на набережную огромные баржи.

Через пять минут там, где стояли прохожие уже плавают лодки, перевозящие граждан и их имущество.

А пушка все ухает, и вода все прибывает...

Страшный треск! Что это?

Как игрушки, вышвырнуты на набережную огромные баржи с дровами, одна из них, как щепка, переломилась как раз по средине,—поплыли дрова, доски.

Проспект 25 Октября залит водой и... шашками деревянной мостовой.

Всюду шашки!..

Чтобы перебраться на другую сторону проспекта, приходится итти по горло в волнующейся массе воды и шашек.

Всюду работают боевые дружины, встречаются и красные галстуки...

Рабочие героическими усилиями спасают заводы и фабрики... Вода всюду!

Но вот рявкнула последний раз пушка... Уже темно, и вода идет на убыль.

Возвращаются совершенно вымокшие боевые отряды Комсомола и летучие санитарные группы пионеров...

Боевое крещение получили ленинские внучата.

Наравне с комсомольцами и по пояс в воде работали, переносили имущество, делали перевязки...

А команды связи! Телефоны не действуют и вот пионеры берутся выполнить эту трудную обязанность...

От боевого штаба к боевым дружинам, к милицейским постам и обратно, носятся ребята. Передав поручение, берутся за новое, не заботясь о том, что мокры, хоть выжми.

А утром следующего дня, по всему Ленинграду, рассыпались и перемешались с комсомольцами и рабочими пионеры.

Горы шашек, дров и досок, загромождающих улицы, быстро собираются и складываются ими.

Прохожие удивляются быстроте работы и дисциплине: „От взрослых не отстают!“ — говорят они.

Ильич был бы доволен своими внучатами!

Пикор **Дмитриевский.**

К октябрьским праздникам

Пионеры-химики, наверное, не один раз задумывались над изготовлением фейерверков или над устройством стреляющей порохом пушки из обрезка трубы, или устройством револьвера из ключа. Но все эти занятия опасны и частенько кончались очень печально.

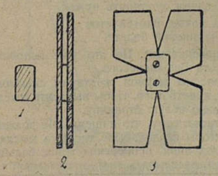

Рис. 9. (см. ридио-приемник).

Красные огни.

Изготовление бенгальских огней не представляет какой-либо опасности, но в то же время огни дают красивое зрелище. На праздновании Октябрьской революции сжигание красных огней можно связать с программой праздника. Надо лишь помнить, что сжигать можно только на улице.

Рецептов для изготовления красного огня очень много, но большинство из них содержат бертолетову соль, которая легко дает взрывы при соединении с другими веществами, даже от толчка—а потому употреблять бертолетову соль опасно. Следующая смесь безопасна и дает хороший красный цвет:

1 часть (по весу) мелкого пороха
1 ч. серного цвета (или толченой серы)
13 частей азотнокислого стронция.

Порошки этих частей тщательно смешивают. Смесь насыпают кучкой или непрерывной лентой на железный противень кирпичи, и она свободно горит, давая недолгое, но яркое освещение Смесь насыпают и в бумажные гильзы. Они горят дольше, но не так ярко. Гильзы делают из бумаги, навертывая ее на тонкую круглую палочку. Бумагу заклеивают. Сначала в гильзу насыпают песку, а уже потом горючей смеси. Для зажигания сверху кладут подмазку, которую составляют из пороха, смешанного с небольшим количеством разведеннаго в воде вишневого клея. Надо всыпать порох в жидкий клей до тех пор, пока не получится масса густая, как сметана. Этой подмазкой замазывают отверстие гильзы, в которую насыпана горючая смесь. Дают ей высохнуть, и после того можно зажигать.

Если в горючей смеси бенгальского красного огня вместо азотно-кислого стронция взять то же количество сернокислой соли окиси меди—получится голубой цвет, а азотно-кислый барий дает зеленый цвет.

ФИЗКУЛЬТУРА ОСЕНЬЮ

Солнце, вода, воздух—вот физкультура летом, ее провели ребята успешно живя в лагерях.

Теперь условия физкультуры несколько другие, зима загонит в комнату, в клуб, в школу и тут везде должен пионер соблюдать правила физкультуры.

Дома пионер должен быть проводником физкультуры в семье. Следить за чистотой приготовления пищи, за опрятностью окружающих. Вставая рано утром, проделывай вольные движения, обтирайся холодной водой. Следи, чтобы комната проветривалась, следи за чистотой постели.

В школе то же самое—пионер должен не только следить за тем, чтобы не было пыли на партах, сорного пола, чтобы проветривался класс, но и провести беседы с товорищами о необходимости физкультуры.

В клубе нужно соблюдать все правила физкультуры: не должно быть пыли, часто должны мыться полы, хорошо работать вентиляция. Особенно в комнате, где ребята занимаются гимнастикой. В ней не должно быть ни шкафов, никаких вещей,—потому что они задерживают пыль, к занятиям нельзя допускать ребят в верхних одеждах, с грязными руками. Посторонним во время занятий входить воспрещается—это рассеивает внимание.

После занятий нужно обтираться мокрым полотенцем. Для занятий желательно иметь бревно, для равновесия, стойки для прыжков, два мостика, две скамейки, два матраца, скамейку шведскую. Маленькие и большие мячи, прыгалки, веревку.

Безусловно вредно заниматься с тяжелыми предметами (гири и проч.).

Все это в помещении,—а на воле постарайтесь заранее раздобыть лыжи для вылазок за город, место для катка. Лыжи и коньки зимой—то же, что вода и солнце летом.

Коля.

ОТВЕТ НА СТИХИ.

1. Вятским ребятам: Шиповнику, Кузнецовой, Карповой, Пестовой, Наумовой, ученице 5-й школы, В. Лаврову (Бежецк), В. Тарасову-Радионову (Москва), Ю. Коноваловой (Москва), пионеру Беспаткину (Смоленск), Н. Мастенову, Ване Братчикову (Омутинск), Ф. Козликову (Курск), В. Тоболкину (Москва), Мите Блантеру, ребятам 2-го отряда центр. района Легкову, В. Иванову (Ленинград), В. Буху (Баку), пионеру звена „Красный Летчик“ (г. Троицк).

Ребята, на соседней страничке вы видите несколько стихов, наиболее подходящих из всех присланных. Хороши эти стихи тем, что, во-первых, говорят о разных моментах пионерской жизни, как „Годовщина отряда“, „Работник“ и друг. В этих стихотворениях есть и довольно хорошие рифмы и размер, они легко читаются, не особенно „размазаны“. Звонкая рифма, сжатость, музыкальность, свежие новые слова и образы—основные свойства хорошего стиха, а у вас, ребята, этого еще не достигнуто. Например:

„Грохот пушек, залп оружий,
Огонь и дым, идет пальба.
Колчак наступает, как грозная туча,
Но его не боятся красные войска“.

Пишет один из вятских ребят. Здесь нет рифмы, ритм спутанный. И тем только похоже на стихи, что написано, как четверостишие.

То же самое у Ленинградского пионера Легкова:

„Юные гордые лица,
Дети рабочей среды.
Учат великое дело—
Встать на защиту страны“.

Здесь нет ничего, кроме общих фраз.

Нужно много читать классиков и новых поэтов, чтобы писать самому.

Не стоит особенно увлекаться стихами на взрослые темы, как Ф. Козликов, который описывает „Горемычных“. Нам нужны стихи из нашей жизни. Вот частенько в письмах ребята жалуются—нет у нас в журнале смеха—а кто виноват? Наши поэты почему-то его мало дают, а юмористические стихи нам больше всего нужны.—Прислало Звено „Красный Летчик“ юмористическое стихотворение, но оно слишком местное, домашнее, годится в стенную газету.

Нужно выбрать тему поинтереснее. Возьмите в пример стихотворение „Лагерное происшествие“ в № 3 „Пионера“.

Много прислано стихов об Ильиче. Много писали о Ленине, много говорили, а один из вятских ребят опять повторяет:

„Великий гений, славный вождь,
Ты наша мощь, ты наш спаситель
Великий гений, избавитель“. . . . .

Эти фразы уже приелись, надоели, и их просто не хочется слушать. Если хочешь сказать про Ильича, скажи по своему, не истасканными фразами, незачем повторять чужое.

. . . . „Миллионы новых партбилетов
Заменят Ленинский билет“. . . . .

пишет пионер Звена „Электрификация“. Но это уже попросту списано у комсомольского поэта Безыменского.

Частенько ребята в погоне за рифмой жертвуют смыслом, размазывают стихотворение и, вместо того, чтобы выразить мысль в четырех строках, занимают ею целую страницу.

Нужно вдумчивей относиться к тому, что пишешь. Не должно быть лишних слов. Нужно, чтобы словам было тесно, а мыслям простор. Больше нужно брать свои, пионерские темы, больше смеха, побольше и, тщательней отделывать свои произведения.

Издательство „Молодая Гвардия“.

Редактор: Редакционная коллегия.
Ответств. редактор Х. Добин.

Главлит № 27284 Военная типография, Знаменка, 23 Тираж 15.000.

НАШИ ХУДОЖНИКИ И ПОЭТЫ.

Годовщина отряда.

За этот год работой нужной,
Живой, кипучей, боевой
Сплотились мы веселой,
дружной
Пионерскою братвой.

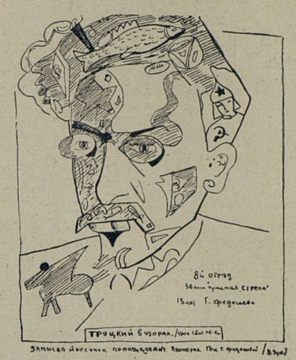
Частенько слушая беседы
О тех, кто жизнь отдал борьбе,
Мы ими быть хотели все бы,
В пример их ставили себе.

Теперь решили и сказали:
Кипеть, бороться, а не ждать,
Тогда лишь новый мир построим
Осуществим завет Вождя!

И вот, в день годовщины нашей,
Мы клич бросаем боевой:—
Все к нам в ряды, кто дела
жаждет,
Кто хочет строить мир иной!

Шиповник.
Вятка.

Троцкий в узорах.

Этот рисунок прислала пионерка Федосеева, 8-го отряда Хамовнического района в Москве.

Работник.

Я сам работаю
И песнь свою пою,
Весело бью молотком,
Звонко стучу долотом.

* * *

Топором я рублю,
Построгать я люблю,
Доски выпилю пилой,
Инструмент возьму любой.

* * *

Как пружины, ходят руки,
Нет усталости и скуки,
И рубанок мне жужжит:
Веселей с работой жить!

Пионер **Камалдин Шегабудинов**

Святой

Как он представляется верующим.

Поход.

Барабан забил тревогу.
Ровно, выстроившись в ряд,
Пионеры дружно в ногу
Зашагали в лагеря.
За большим дремучим лесом,
На поляне небольшой,
Выбрав ягодное место,
Стали строить лагерь свой.
Ну, сперва костер им нужен,
Спичек нет—зато есть трут,
Пионерам сделать ужин
Это дело двух минут.
Одолев свою дремоту,
По-турецки севши в ряд,
Пионеры за работу
Дружно взялись . . . и едят.
Все готово, и ребята
Поустав за целый день,
Все свернулись, как котята,
По палаткам, где ни где.
Тихо лагерь засыпает,
Трудный день окончив свой,
Тишину лишь нарушает
Четким шагом часовой.

А. Виноградов—пионер 17 отряда Зам. района.
Москва.

отец.

И каков он на самом деле.
Рис. пионера Обухова
Хамовнич. район, Москва.

Цена 40 коп.

ЛИГА ВРЕМЕНИ.

Пионеры Витя, Миша,
Ваня, Сеня, Коля, Гриша—
Все ребятушки на ять.
В головах всегда проэкты.
Каждый мальчик—звонкий лектор.
Клуб—роднее им, чем мать.

И, активностью богаты,
Раз задумали ребята
Лигу времени открыть.
В миг устроили собранье,
И на первом заседаньи
Стали речи говорить.

Говорили ребятишки
Очень лихо, как по книжке,
Что ни речь—то час иль два:
Что такое—время, лига,
Как беречь минуты, миги,
Экономить как слова.

А когда вопрос с программой
Встал пред юною оравой,
Изощряли дети ум:
Предложенья, возраженья,
Измененья, дополненья,
Речи, споры, крики, шум.

— Про кружки хочу сказать я:
Час—уходит на занятья?
Будет пусть по пять минут.
— Браво! Верно!
— А спектакли—
По пятнадцати! Не так ли?
На три акта хватит тут.

— Коль у нас нет лоботрясов,
Предлагаю лишь по часу
Пионеру в сутки спать.
Сон—великий предрассудок,
И труду мешает всюду!..
— Браво, Витя, бис! Качать!

— И жратвы с себя вериги
Скинуть нужно членам лиги:
Лишь минута на обед!!
— Чаепитье—полминуты!!
— Ну, а ужин просто к шуту,
Как отрыжку старых лет!

Так „программили“ ребятки.
Все пошло бы, может, гладко,
Да нашлися дураки,
С возмущеньем возражали:
— Спать по часу в день? Едва ли
Наши выдержат мозги!

— Кто же может за работой—
Возразил с насмешкой кто-то—
Двадцать три часа сидеть?!
Поднялися обсужденья,
Измененья, возраженья,
Стали спорить и шуметь.

Но, клюя устало носом,
Обсуждение вопроса
О программе „лиговой“
Отложить они решили!
Заседать постановили
Как-нибудь на раз другой.

В протоколе начертали:
„Заседание начали
„Днем с двенадцати часов“,
А „Окончили в двенадцать ночи“.
— Нужно-ль удивляться
На мозоли языков?!

Н. Копье—й.